

УРОКИ КРИЗИСА.

Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис¹. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная с декабря прошлого года, в каждом номере отмечала так или иначе развитие кризиса и его губительные действия. Пора поставить общий вопрос о причинах и значении этого явления. Для России оно сравнительно ново, как нов и весь наш капитализм. В старых же капиталистических странах, т. е. в таких странах, в которых большинство продуктов производится на продажу, в которых большинство рабочих не имеет ни земли ни орудий труда и продает свою рабочую силу, нанимаясь в чужие хозяйства, нанимаясь к собственникам, владеющим землей, фабриками, машинами и проч., — в капиталистических странах кризис есть явление старое, повторяющееся от времени до времени, как припадок хронической болезни. Кризисы можно поэтому предсказывать, и когда в России стал особенно быстро развиваться капитализм, — в социал-демократической литературе был предсказан и теперешний кризис. В брошюре: «Задачи русских социал-демократов», написанной в конце 1897 г., говорилось: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла (оборота, повторяющего одни и те же события, как повторяются зима и лето), когда промышленность „процветает“, торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием“ промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных»... И крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала. Отчего же зависит эта ужасная хроническая болезнь капиталистического общества, возвращающаяся так правдиво, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка.

И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь. Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог², расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиночные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие общественные производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 милл. пуд. нефтяных продуктов на сумму 53½ милл. руб., а в 1900 г. уже 192 милл. пуд. на сумму 76 милл. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на 18½ милл. руб.! Такое «одно предприятие» держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоря-

жается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Тов. Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 милл. руб., а в 1900 г. — 6 милл. руб., из которых акционеры получили по 1300 руб. на пай в 5000 руб., а пять членов правления получили награды 528.000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросается в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше, — она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходившей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894—98 гг.), но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные им уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока армии социалистического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками»), должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными³.

Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора, напр., над банками. Но никакой надзор не помешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банка в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что озна-

чает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр. мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис. Напомним еще описанные в «Искре» случаи, что капиталисты удлиняют рабочий день и стараются при расчете заменить сознательных рабочих более покорными сермягами.

В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылать безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города, но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и требований? Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от добродетельных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни. Жандармы и полиция в городах, земские начальники и урядники в деревнях ясно видят, что ненависть к ним растет, и они начинают бояться не только деревенских столовых, но и газетных объявлений о сборе пожертвований. Боязнь жертвований! И вправду, верно, на воре шапка горит. Когда вор видит, что обокраденному им человеку прохожий протягивает подаanie, — вору начинает казаться, что они подают друг другу руки, чтобы общими силами расправиться с ним.

[Н. Ленин]

СЛЕЗЫ СТАРОГО КРОКОДИЛА.

Когда же оный крокодил жертву свою поглощает, из глаз его льются слезы, и мнит-ся, что он плачет, себя жалеючи, что столько труда ему надо, чтобы жертву свою заглотать. Но оным слезам, на них глядячи, никто не верит, ибо слезы-то эти крокодиловы.

Из древнего сказания о крокодилах.

В «Церковных Ведомостях» опубликован всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода за 1898 г., заключающий данные об успехах русского сектантства и борьбы с ним православной церкви. Это произведение г. Победоносцева представляет новый обвинительный акт против миллионов «отпавших от православия», против миллионов крестьянского, мещанского и рабочего люда, примыкающих к религиозным сектам, главным образом к штунде.

«Возбужденное и тревожное настроение», — уверяет г. Победоносцев, — внезапно проявилось в сектантском мире. Это настроение «выражалось в необыкновенной дерзости сектантов в отношении к православному населению, особенно же к духовенству, полиции и вообще должностным лицам, — в намеренном глумлении над святынями православия и в открытой пропаганде своего лжеучения как в православном населении, так и в среде старого сектантства».

Это не нам, читатель, принадлежит постановка рядом духовенства и полиции, как родных элементов, против которых проявляется «необыкновенная дерзость» сектантов. Нет, это рука г. Победоносцева бесстрашно сопоставила святыню поповской рясы и полицейского мундира. И мы ниже увидим, что весь иезуитски-кляузный донос Победоносцева проникнут желанием представить сектантов прежде всего врагами... полиции, полицейского государства. «Нам самим ничего не надо», хотят уверить Победоносцев и отцы-миссионеры государственную власть. Нет, прежде всего забота о государстве, об его интересах руководила рукой доносителей.

«На требования полиции прекратить незаконные (молитвенные) собрания, штундисты отвечали систематическим слушанием, грубостями и даже насилиями, упорно заявляя, что они не желают подчиняться требованиям местной власти, так как уверены в издании нового закона в пользу свободы их веры».

Что ни слово, то явная ложь. Ложь относительно «открытой пропаганды лжеучения», ибо угроза ссылки на поселение с лишением прав всего менее располагает штундистов к пропаганде у всех на виду. Если бы пропаганда штундистов была такой «открытой», то не пришлось бы для осуждения сектантов прибегать к многотрудному делу отыскания «самых достоверных лжесвидетелей», без которых редко удастся добиться обвинительного приговора для штундистов, ибо гонимая секта вынуждена распространять свое учение с величайшей опаской.

Рассказ о том, что штундисты грубостью и даже насилиями отвечают на приказ полиции прекратить собрание, принадлежит также к числу самых несомненных вымыслов. Десятки дел о «незаконных» молитвенных собраниях разбираются мировыми судами, и в составленных полицией протоколах никогда не говорится о «бунте» сектантов, и последние никогда не обвиняются в сопротивлении властям.

Но, продолжает г. Победоносцев, «от посещения пастырских и миссионерских собеседований штундисты упорно уклоняются; из народных школ своих детей стараются брать тотчас же после выучки первоначальной грамоте, устраняя тем доброе православно-просветительное влияние школы на молодое поколение секты».

Какой броней лицемерия надо, однако, запастись, чтобы ставить сектантам в вину, что они «упорно уклоняются» от посещения пастырских и миссионерских собеседований! Ведь такие собеседования ведутся сплошь и рядом в невозможно тяжелой для сектантов обстановке: в присутствии чинов полиции, следящих за тем, кто что говорит; в присутствии нафантазированной толпы православных, готовых в своей темноте разорвать «нераскаянных еретиков»; ведь в этих «собеседованиях» одна сторона «беседует», опираясь на покровительство закона,

имея возможность в споре с противником развивать все свои доводы; другая же сторона должна защищать правоту своего учения под страхом кары за каждое правдивое слово, зная, что разъяснение ее учения считается по закону тяжким преступлением и сверх закона может навлечь на нее самые неприятные последствия. Мудрено ли, что сектанты «уклоняются» от таких «собеседований», напоминающих щедринский разговор торжествующей свиньи и оголодавшей Правды? Удивительно ли и то, что сектанты не желают держать своих детей в тех школах, где их заставляют учить тот «закон божий», который родители считают неправдой?

Но для гг. Победоносцевых нежелание подчиниться этому принуждению есть одно из доказательств «упорства». Гг. Победоносцевы твердо уверены, что «карась любит, чтобы его жарили в сметане», и когда в крестьянских карасях встречается нежелание безропотно жариться, то начинают кричать об их злой воле, об их упорстве и дерзости.

Этой же верой в то, что карась любит, чтобы его жарили, объясняется следующая жалоба Победоносцева. «Агитационный дух современной штунды вызвал у сектантов стремление к кляузам и сутяжничеству, выражающимся в подаче жалоб, заявлений и прошений в разные правительственные учреждения, в скитании по судам». Вот подите ж: всеблагая кроткая церковь неукоснительно предает людей в руки светской власти для наказания «без пролития крови», как некогда выражалась святая инквизиция, отдавая еретиков на сожжение, а они, неблагодарные, защищаются, пишут прошения, «скитаются по судам». Да, г. Победоносцев, «скитаются», но скитаются не только из одного судебного учреждения в другое, не только из одной канцелярии в другую. Недалеко уже от нас то время, когда Россия узнает всю правду о том, как люди, вся вина которых заключалась в поисках нравственной истины, «скитались» из Новороссии в Закавказье, из Закавказья в сибирские тундры, скитались в арестантских халатах с бубновыми тузами, в обществе воров и разбойников, под конвоем и в кандалах. Это время не за горами, и старый крокодил, быть может, уже смутно его предчувствует, когда, пожирая свои жертвы, льет слезы об их упорстве и сутяжничестве, о том, что процесс глотания причиняет некоторые затруднения и вкусная пища грозит стать колом в глотке.

Горькие слезы льет наш крокодил по поводу того обстоятельства, что мужицкое сектантское движение начинает находить отклик на поверхности общественной жизни, привлекая к себе некоторые элементы интеллигенции. «Пропаганда этих ложных идей и воззрений идет в среде народного сектантства на почве сближения интеллигентных последователей этих лжеучений (толстовства) с главарями штундовой секты». И далее: «В числе других причин, порождающих в среде народного сектантства брожение, миссионерские отчеты указывают также и на агитацию в пользу мнимо-угнетенных сектантов («мнимо-угнетенных»! о бедный, несправедливо обижаемый крокодил!) со стороны некоторой, именуемой себя либеральной, части нашего общества, в последнее время особенно покровительствующей сектантам, поддерживающей с ними и личные и письменные сношения и тем самым сильно питающей в них уверенность в даровании будто бы полной свободы их лжеучению».

Да, покровители виноваты, это несомненно. По милости этих покровителей теперь уже нельзя в тиши души и истязать «отпавших от истинной церкви»; нет, нет и проскочит что-нибудь в печать русскую или заграницную. Бедный крокодил вспомнил, должно-быть, неприятный шум, который поднялся по поводу его попытки отнять у мужиков-молокан их детей для воспитания в православной вере. В тот раз заступничество Л. Толстого и его агитация за «мнимо-угнетенных» молокан заставила крокодила захлопнуть уже разверстую пасть. И вы еще удивляетесь, что из его глаз льются неподдельные слезы!

Итак, господствующая церковь угнетена: поощряемые «либералами» сектанты теснят ее со всех сторон. Хуже всего, что от штундистов сами православные начинают заражаться неприличным отношением к церкви и ее смиренным служителям. Вот что пишет, напр., один миссионер в июньском выпуске журнала «Миссионер. Обзор» за 1901 г.: «В некоторых зараженных приходах, особенно где пастыри не на высоте своего служения, миссионер гораздо хуже себя чувствует в беседе с православными, чем с сектантами. Едва начнется беседа, как православные буквально забрасывают миссионера обвинениями и злословиями на приходского священника. Затем, под давлением раздражения, начинается открытое отрицание истин самого православия. Положение миссионера очень нехорошее: в беседах с сектантами он, по крайней мере, знает, что защищает православие от врагов его, а здесь он должен защищать православие и пастыря от самих православных». Вот беда-то! Приходится защищать православие от самих православных! Трудно, казалось бы, вообразить более тягостное положение православной церкви. И все же, если бедные пастыри призывают на сектантов громы начальственного гнева, они это делают не во имя своего столь тягостного положения. Нет! «нам самим ничего не надо», и вся забота отцов церкви направлена на интересы государства и — собственности.

Послушаем г. Победоносцева.

«Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современных штундистов, все более и более расширяя область своего отрицания, принимает направление, крайне опасное для социально-политического строя нашего отечества».

Карась любит, чтобы его жарили в сметане. Русский «внутренний враг» предпочитает быть зажаренным пол соусом политической неблагонадежности. Г. Победоносцев и вся черная братия, иже с ним, усердно занята изготовлением этого соуса для отпавших от православия. Вот как изображает политическую «подоплеку» штундизма екатеринославский миссионер, мнение которого приводит г. Победоносцев.

«Современный штундист много говорит о своей любви к Христу и усердно читает евангелие, но он любит Христа не как бога-искупителя, но как специально политического деятеля, он любит не евангельского Христа, а „своего“, которого создало его воображение, под влиянием впечатлений материальной жизни». «Но,—поясняет г. Победоносцев,—свобода, к которой стремятся штундисты, есть свобода от всех обязанностей русского человека, как гражданина своего отечества, свобода от всех обязанностей православного христианина, словом, свобода, льстящая одной лишь чувственной стороне человека и по-сему привлекающая многих».

Отцы-миссионеры приводят доказательства из своей практики. Так, екатеринославский миссионер рассказывает, что один штундист сказал ему: «Мы не желаем идти за вами; мы не любим вашего Христа; вы с вашим Христом меняли людей на собак, а мы с нашим Христом желаем быть свободными». Миссионер Купчевский из Херсонской губернии приводит («Миссионерское Обозрение», июнь 1901 г.) такие слова штундиста Ваганько: «Что это за церковь? Вот в первые времена была церковь, так церковь: там все было общее. А у вас что? Один имеет тысячу десятин, а другой ничего», возмущается Ваганько, намекая на именование одесского городского головы г. Зеленого.

«Но желания сектантов идут гораздо дальше»,—страшает херсонский миссионер и в доказательство приводит ужасную фразу, сказанную якобы «вожаком штунды» в местечке Березовке, Гаврюшенко: «Если бы все так уверовали, как баптисты, можно и царя переменять через каждые три года, как старосту».

Вон где таится республиканская опасность. Жалко только, что донос исходит из очень мутного источника. Именно страшную фразу слышали от Гаврюшенко два бывших штундиста Шабловский и Дейч, вернувшиеся в лоно православия. А это всем известно, что, когда человек, не устояв перед искушением, отказался от гонимой партии или секты и дает о ней «откровенные» показания,—то в таких случаях мы имеем дело с самым достоверным лжесвидетелем.

Такой же лжесвидетель помог, если верить г. Победоносцеву, раскрыть участие штундистов — в чем бы вы думали? — в социал-демократическом рабочем движении. «Иногда штундисты от слов переходят к делу, что, по свидетельству преосвященного херсонского, подтвердило их участие в тайном движении среди рабочих города Николаева, образовавших т. н. „союз русских социал-демократов“, открытый полицией при содействии одного возвратившегося в православие бывш. штундиста».

Этот «возвратившийся» грешник играл в николаевском деле роль шпиона-provokatora. Участие штундистов в «Южно-Русском Рабочем Союзе» 1897—98 гг. (название преосвященный перепутал) подтверждается авторами брошюры «Рабочее движение в Одессе и Николаеве»¹. Г. Победоносцев только «забыл» пояснить, что обвиняемые им лица участвовали в «Союзе» не как штундисты, но как социалисты, перестав быть сектантами. В наших рядах насчитывается не мало рабочих, которые до знакомства с социализмом прошли через сектантство. Но делать отсюда вывод, что сектантство есть тот же социализм, могут только преосвященные и Победоносцевы.

Мы здесь не станем касаться интересного вопроса о социально-политическом значении современного сектантства. Вопросу этому мы надеемся вскоре посвятить отдельную статью. Скажем только, что решается он более сложным путем, чем это воображает злостное невежество отцов-миссионеров. Если последние, опираясь на показания самых заведомых лжесвидетелей, выступают с политическим доносом против сектантов, то делается это с явной целью: подготовить общественное мнение и убедить правительство в необходимости новых «мероприятий» против сектантов. «Думаю,—говорит херсонский миссионер,—что к подобным публично высказываемым штунди-

стами коммунистическим принципам и распространению среди народа вредных социалистических идей нужно чутко прислушиваться не одним миссионерам, а и всем, дорожающим спокойствием народа и государства».

Много явлений показывает, что государство готовится к новым жестокостям против отпавших от православия. Вслед за опереточно-торжественным отлучением Толстого последовал бесшабашный разгул церковного кликушества в печати и в проповедях. Православное мракобесие готовится, повидимому, дать генеральное сражение своим врагам. И гг. Победоносцевы искусно готовят «политическую обстановку» своим будущим мерам истребления несогласно мыслящих. Мужичьи секты должны будут испытать на себе всю тяжесть начальственного гнева.

Да, старый крокодил не даром заплакал. Подлое чудовище, переваривая только что съеденные жертвы, вожделеет свежей человеческой крови...

[Л. Мартов]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВЯЩАЯ КЛИКА В БОРЬБЕ С «РАЗНУЗДАННОСТЬЮ» НАСЕЛЕНИЯ.

(Картинки русской жизни.)

Двадцать лет назад, при вступлении на престол незабвенного Александра III, апостол русского самодержавия, М. Н. Катков, торжественно провозгласил: «Правительство идет, встаньте, господа!». В переводе на житейский язык эти слова недвусмысленно говорили обывателю: «А вот уж тебе покажут, как кузькину мать зовут». С тех пор в течение двадцати лет не переставая правящая шайка только и занимается, что «подтягиванием» обывателя. Подтягивают, обуздывают, оглушают, — а он все оказывается распущенным, «разнузданным», неблагонамеренным, и бедные наши «господа жизни» вынуждены измышлять новые меры для борьбы с обывательской «разнузданностью».

В последнее время слово «разнузданность» в применении к обывателям приобрело право гражданства в правительственных документах. Так прямо и заявляют, что такие-то скорпионы придуманы для борьбы не с какой-либо крамолой, а с «разнузданностью» такого-то класса населения.

Так, например, когда понадобилось оповестить публику о сдаче 183 киевских студентов в солдаты, то правительство заявило, что эта кара вызвана «разнузданностью» киевлян. Так же точно за «разнузданность» били нагайками студентов, да кстати и постороннюю публику (в счет будущего!) на Казанской площади 4 марта.

Текущая хроника дает нам не мало образцов того, как начальство ведет борьбу с «разнузданностью» обывателей.

Хотинский (Бессарабской губ.) исправник г. Трубников ведет борьбу с местными мещанами. «Мною замечено, — пишет он в своем приказе, — что мещане в церкви занимают не те места, которые им указываются полицейскими, а после богослужения гуляют по главным аллеям, занимая все скамейки, так что интеллигенции бывает негде сесть, при чем парубки и девки тут же обнимаются и вообще ведут себя непристойно». А потому приказывается мещанам в церкви занимать свои места, а на прогулке не толкаться по главным аллеям. В случае же неповиновения имеют подвергнуться «законной ответственности».

Прочь с дороги, мещане, «интеллигенция» идет! Можете себе представить, из кого состоит эта «интеллиген-

ция» уездного городишка! Подлинная интеллигенция, как известно, покровительством гг. исправников у нас не пользуется. Речь идет, конечно, о г-же квартальной надзирательнице, гг. акцизных и т. п. «чистой» публике. В заботе об этой публике, хотинский помпадур сочинил новый закон, за неподчинение которому грозит привлечь к «законной ответственности». Ничего не поделаешь: если существующих законов не хватает для борьбы с «разнузданностью» мещанишек, которые «занимают все скамейки», то приходится и исправнику новые законы выдумывать.

О, г-да хотинская, пошехонская и тьмутараканская «интеллигенция»! Решите задачу: сколько придется будущей русской революции пролить крови для того только, чтобы «простым» обывателям приобрести твердое право гулять на «главных аллеях» и «при этом» безвозбранно ухаживать за своими дамами?

Вопрос о праве гулять на тех или иных «аллеях» подымается в нашем отечестве не впервые и не в одном только Хотине. Помнится, года два тому назад полтавские власти гневно указали местным евреям (т. е. опять-таки мещанам, «черной кости») на то, что они, толпясь на главной улице города, мешают прогулке гг. офицеров. И вот полтавский раввин по этому случаю говорил даже проповедь своим прихожанам. Он им доказывал, что все равно где гулять, что на других улицах воздух столь же хорош, как и на Александровской, и что они легко могут отказаться от прогулок по этой улице, чтобы избежать гнева начальства, который может обрушиться на головы всех евреев.

Так взывал благоразумный пискарь. Не знаем, подействовало ли его красноречие на местных евреев, но, несомненно, что еврейское простонародье не переставало огорчать начальство и особенно офицерство. В Минске евреи как-то подрались с солдатами, а когда в ответ на это воинская команда пошла под предводительством офицеров разносить еврейские лавки и бить кого попало, то евреи, соединившись с босьями-христианами, оказали энергичное сопротивление. Кончилось дело осуждением в арестантские роты. Нечто подобное имело место и в городе Шклове. Начальство решило «принять меры» и взялось за дело «серьезно», о чем мы узнаем из документа, опубликованного «Общевейским рабочим союзом».

Как следует из этого документа, при военном министерстве была «высочайше» учреждена особая комиссия «по вопросу о мерах против разнузданности евреев». Так прямо и пишется: мера, стало-быть, вырабатывается против нескольких миллионов населения. Проект, выработанный комиссией, сводится к увеличению наказания за оскорбления, нанесенные евреями военнослужащим и в передаче в «отдельных случаях» дел о таких оскорблениях в военный суд для суждения по законам военного времени.

Военное министерство нашло, что этого мало, и потребовало, чтобы право передачи в военный суд дел о евреях, виновных в оскорблении военнослужащих, принадлежало не министерству внутренних дел, но генерал-губернаторам, т. е. обыкновенно прямым начальникам оскорбленных офицеров. Сверх того, военное министерство еще предложило административные меры, а именно: предоставить генерал-губернаторам право административно ссылать евреев, налагать штраф на всю еврейскую общину того места, где случилось столкновение, и «применять к таковым поселениям военные экзекуции».

Последние две меры показались слишком «серьезными» даже министерствам внутренних дел и юстиции, и они их отвергли. Но зато министерство внутренних дел, отказавшись передать право административной высылки евреев генерал-губернаторам, «не имеет ничего против того, чтобы при разборе дел об административной высылке евреев за оскорбление военнослужащих в совещание при министерстве внутренних дел приглашался представитель военного министерства «для наибольшего соблюдения интересов военного ведомства». Как просто и как откровенно! Комиссия, упекающая обывателя туда, где Макар телят пасет, должна составляться так, чтобы соблюдались интересы разных «ведомств», т. е. групп чиновников.

Тут высказан весь секрет административных комиссий, заменяющих у нас суд: они созданы не для выполнения дела «правосудия», а для «соблюдения интересов» разных ведомств.

По вопросу об увеличении наказания за оскорбление военных министерства внутренних дел и юстиции нашли, что эти меры «должны быть общими, а не исключительными для евреев», о чем министерство юстиции постарается при выработке нового проекта уложения о наказаниях. Радуйся, «штатский» обыватель, и моли бога, чтобы смертную казнь («по законам военного времени») тебе назначали не за каждую «обиду», нанесенную тобой зарвавшемуся офицеру.

Документ кончается так: «Не считая, однако, возможным удовлетвориться изложенными результатами работ по вопросу о мерах против разнузданности евреев, предположено (военным министерством) настаивать на необходимости установления более серьезных гарантий для военнослужащих против еврейской наглости». Корпусные командиры приглашаются сообщить свои мнения по этим вопросам и «справки о всех выдающихся случаях столкновения евреев с военнослужащими за время с 1897 г.»

Может быть, из этих справок мы узнаем, что слывет в наших правящих кругах под именем «разнузданности» еврейской толпы. Недавний инцидент в Харькове нам показывает что гг. офицеры склонны считать оскорблением со стороны «штатских».

Как известно, в последнее время гг. офицерам приходится выполнять некоторые щекотливые операции: за отсутствием врага внешнего, их посылают усмирять врага внутреннего; вместо роли защитника отечества, приходится работать в роли полицейского, а то и палача. Эта деятельность не очень привлекательна для обывателей, у которых всегда имеются родные или друзья в стане тех внутренних врагов, против которых «действуют» храбрые воины. Естественно поэтому, что обыватель подчас выражает чувства, вызываемые в нем подвигами христоробиго воинства.

Вот что пишут нам из Харькова:

«На 21 февраля в местном ветеринарном институте была назначена забастовка с применением обструкции. Начальство распорядилось на всякий случай вызвать войска, расположившиеся на Ветеринарной площади, против дома губернской земской управы.

«21-го выдался дождливый день. Пока что, пока не требовалось пустить в дело войска, офицеры, устав стоять под дождем, решили пойти погреться в помещение губернской земской управы. Как говорят, расположиться в управе было им разрешено председателем. Кое-кто из служащих, узнав, что в управе греются офицеры (и полицейские пристава), призванные усмирять студентов, возмутились и предложили товарищам протестовать. Предложение было встречено сочувственно. Работающие в статистическом, страховом, санитарном, земском и кое-кто из других отделений бросали работу, вышли в коридор и заявили: — если офицеры не уйдут, то они, мол, уйдут из управы. Офицеры, разумеется, заартачилась, но в конце-концов решила уйти. Почтенному воинству страсть было неприятно дефилировать перед служащими в коридорах. Вслед уходящим раздавались возгласы: „Снимите шапки, у нас здесь снимают шапки“ и робкий свисток.

«История эта, вероятно, так и заглохла бы, если бы не товарищи изгнанных, которые, почувствовав, что их честь задета, просили Драгомирова наказать примерно виновных в нанесении оскорбления. Говорят, Драгомиров принял сторону офицеров, и дело восходило до министра.

«Дело кончилось следующим: председатель управы, Гордеев, по распоряжению губернатора, призывал к себе четырех служащих в управе и одного члена управы. Одному служащему был объявлен выговор и предостережение об увольнении (немедленном) в случае какого-нибудь подобного повода. Двум служащим объявлено предостережение, — если, мол, будет снова что-нибудь подобное замечено, то с ними распорядятся по всей строгости положения об усиленной охране. Что выпало на долю члена управы и еще одного служащего, — не знаю. Говорят, что член управы не признал за председателем права делать ему, члену, выговор. Говоря с вызванными служащими (с каждым в отдельности), председатель выразил сожаление о том, что он своевременно не узнал о демонстрации. „Я бы немедленно приказал сторожам переписать всех участников и немедленно же их уволил“.

«Честь офицеров восстановлена!

«Но каково же нам, людям „штатским“: мало того, что против наших присных высылают вооруженных башибузуков, мы еще должны терпеть, что они, готовясь к позорной „битве“, располагаются в наших помещениях; как у себя дома и, может быть, тут же похваляются друг перед другом своими подвигами! Не только терпи совершающуюся на твоих глазах бойню, но и гостеприимство окажи ее исполнителям!»

Служащие в земствах вообще давно уже известны как народ «разнузданный» и требующий неусыпного надзора со стороны лиц, власть имеющих. В своей «разнузданности» они питаются тем духом, который царит в земстве и против которого власти ведут многотрудную борьбу. По сравнению с земством, городское управление до сих пор было на хорошем счету у начальства. Заседающие в городских думах буржуа отличались умением и готовностью подносить «хлеб-соль» и ознаменовывать разные «чудесные спасения». Но за последнее время и в этой области обывательской покорности начинает проявляться «политическая неблагонадежность». В последние годы на городских выборах появляется так называемая «интеллигентная» партия, которая в борьбе с Кит Китычами проводит то в ту, то в другую думу свежие силы. В виду того, что участие в городском представительстве у нас обставлено весьма крупным имущественным цензом, это возникновение «интеллигентной партии», повидому, означает политический рост нашей либеральной буржуазии (т. е. ее интеллигентного слоя), из которой формируется новый отряд противников правящей клики в дополнение к интеллигентному дворянству, образуя «неблагонадежный» элемент в земстве, и к разночинной интеллигенции, группирующейся около всяких просветительных учреждений, статистики и т. п. и близко соприкасающейся с «бунтующим» студенчеством.

В Виннице, Подольской губ., гласные-интеллигенты подняли агитацию по поводу подкупов, практикующихся в Винницкой (и не только в этой) думе: торгуют голосами гласных при решении вопросов о подрядах и т. п. делах. В подкупах замешана городская управа вкупе с городским головой. Последний поспешил «забегать» к губернатору. И вот подольский губернатор мчится в гор. Винницу, является в думу и держит речь группе «интеллигентных гласных». Он, губернатор, «пришел к убеждению, что отдельные лица из состава оппозиции вносят смуту в ведение городских дел». Обращаясь к гласным с «просьбой» положить самим конец этим смутам, губернатор заявляет, что, «если ход событий не изменится, он должен будет обратиться к самым строгим мерам, предоставленным его власти; при этом он обращает внимание гласных на то, что в Подольской губ. существует положение об усиленной охране. Гласные должны верить им же избранной управе и дать ей возможность спокойно работать (над чем? над подкупом гласных?); после же этого срока они, если им не нравится настоящая управа, могут выбрать новую». Г. губернатор забыл только прибавить, что, если гласные выберут новую управу не по вкусу губернатора, он может, пользуясь «предоставленной ему властью», ее не утвердить, а назначить ту же старую, что постоянно и делается. И что же? Гласные не выразили коллективного протеста против дикой выходки помпадура, грозящего им «положением об охране» за намерение честно исполнить свой долг перед избирателями? Конечно, нет! Они выслушали почтительно распекацию, и только один гласный, нотариус, заявил губернатору, что выходит из думы, не желая подвергаться оскорблениям. Это заявление сразу успокоило разошедшегося помпадура, который стал уговаривать гласного остаться на службе и «просил гласных извинить его, если случайно он сказал лишнее слово».

Положение об усиленной охране — этот специальный аппарат для борьбы с «разнузданностью» обывателей — оказывается очень удобным средством защиты городских заправил от контроля представителей городского населения (вернее его имущих классов). Стоит только этим заправкам войти в стачку с администрацией, и городская дума бессильна осуществить свои законные права.

Петербургская городская управа во главе с г. Леяновым тоже, повидому, недовольна «разнузданностью» на-

правленной против нее критики. Приказом по полиции градоначальник обратил внимание на то, что на летних театральных сценах допускаются «хотя и разрешенные цензурой, но неуместные остроты по адресу городского управления». Находя в «подобных остротах» неуместную дискредитацию государственного учреждения, г. Клейгельс предписывает запретить остроты, в случае же повторения сообщать ему «для дальнейших распоряжений», конечно, на основании положения об усиленной охране.

Бедный русский смех! До сих пор ему запрещено было затрагивать только правительственную свору, и он вынужден был свое преимущественное внимание обращать на состояние городских мостовых, городского освещения, пожарных труб и т. п., на думские глупости и думские скандалы. Теперь и эта область ему заказана. Простым полицейским приказом городские заправилы превращаются в «государственное учреждение», которого да не коснется эта мятежная, разнузданная, словом, революционная сила, — наш обывательский смех.

Да что смех! И другие, менее революционные проявления человеческой природы не ускользнули от ревнивого начальственного ока. Так напр., — жалость. На что уж смирное и, можно сказать, неполитическое чувство. Но в русском государстве и жалости предаваться надо с опаской, и в области проявления человеческого сострадания можно дойти до «разнузданности», которая требует вмешательства власти.

Г. Сипягин вмешался. Он усмотрел, что в газетах в самом тексте часто печатаются приглашения и воззвания о сборе пожертвований в пользу отдельных, бедствующих лиц или местностей, пострадавших от какого-либо бедствия. Так как газетные объявления должны идти на просмотр полиции, то министр и распорядился, чтобы отныне приглашения к пожертвованиям, хотя бы и помещаемые не среди объявлений, а в тексте газеты, не печатались без разрешения полиции.

Очень, очень кстати распоряжение г. Сипягина! Русская публика, как ее ни муштруют, не соглашается отдавать свои добродетельные даяния в руки царских чиновников и флигель-адъютантов Красного Креста. Она предпочитает передавать свои пожертвования Льву Толстому или другому подобному «неблагонамеренному» организатору помощи нуждающимся, который и отчет представит, и самое дело помощи поставит не по-чиновничьи, а по-человечески. Против такой «разнузданности» жертвователей нельзя было не принять строгих мер. И в таких мерах не было недостатка до сих пор. Новое распоряжение г. Сипягина, ставящее новые препоны организации общественной благотворительности, подоспело тем более кстати, что мы стоим на пороге нового повального крестьянского голода. С свойственной ему «быстротой и натиском» г. Сипягин первый «отозвался» на народное бедствие. Отныне без разрешения полиции частные лица уже не смогут публично собирать пожертвования для голодных.

И мы опять задаем вопрос: сколько же Сипягинных придется будущей русской революции развесить на уличных фонарях, чтобы раз навсегда отвоюет право... свободно распоряжаться своими человеческими чувствами.

Разнузданность в поступках, разнузданность в прогулках, разнузданность в смехе, разнузданность в чувствах... Казалось бы, трудно отыскать еще какую-нибудь область, нуждающуюся в мерах против разнузданности. М-во нар. просвещ. нашло такую область, — это область обывательских мечтаний. Что в мечтаниях не нужно быть разнузданным, об этом узнали недавно казенно-подольские обыватели.

Был у них директор гимназии г. Васильев, которого они почему-то возлюбили. М-во перевело г. Васильева в Новг.-Сев. Обыватели подали начальству прошение об оставлении директора в их городе. А м-во сообщило подлежащим ведомствам, по которым служили подписавшиеся, об их поступке. Что за сим последовало, неизвестно, но, вероятно, обывателям досталось, ибо они стали пенять на неприятный оборот дела, ссылаясь в свое оправдание на «всем известные акты, которые, повидимому, знаменовали поворот в нашем учебном деле и призывали родителей учащихся детей к ближайшему участию в нем», т. е. на известный царский рескрипт и «приказ» ген. Ванновского о

«сердечном попечении». И вот министерство «сердечного попечения» объясняет в газетах, что донесло оно на подписавшихся обывателей потому, что «подобные заявления, делаемые скопом», запрещаются законом (ст. 112 устава о пред. и пресеч. прест.). Если же обыватели ссылаются на «всем известные акты», то, поясняет ядовито м-во, «не следует при этом забывать, что всем известные акты не отменяют силы приведенного закона». Запомните эти слова, размышлявшие обыватели! Разговоры о «сердечном попечении» не отменяют устава о пред. и прес. прест., не отменяют законов Российской империи. Пока законы эти остаются в силе, нелепо мечтать о серьезной реформе школьного дела, о том, чтобы голос родителей принимался к сведению в деле обучения их детей.

А знаете, читатель, как велика наша обывательская «разнузданность»? Одесский градоначальник публикует статистические итоги полицейской борьбы с обывателями в своем районе. В 1900 г. в Одессе отбывали арест по распоряжению администрации (без суда) 43.281 чел. На 10 одесских жителей в течение года отбывал наказание без суда один человек. Из каждых 7 мужчин в Одессе один отсиживает раз в год.

Подведем и мы итоги. Если «разнузданными» оказываются и деревня, и город, и инородцы, и русские обыватели, и мещане, и представители имущих классов, и люди, любящие смеяться, и люди жалостливые, и учащаяся молодежь, и степенные родители, если целая седьмая часть мужского населения крупного города обязательно должна отсиживать в кутузке за свою «разнузданность», то не кроется ли здесь некоторое недоразумение?

Когда вы едете на пароходе, вам кажется, что все кругом движется, а вы одни неподвижны. Не проявляется ли по вопросу о «разнузданности» такой же «обман зрения»? Не может быть, чтобы весь мир был виновен перед маленькой кучкой людей. А ведь, право же, царящая над нами клика есть ничтожная кучка по сравнению с той массой, которую она обуздывает. Не в ней ли, не в этой ли кучке сидит действительное зло «разнузданности», не ее ли пора начать взнуздывать? Не пора ли всему населению повести в свою очередь поход против той грубой, разнузданной, неуклюжей силы, которая шагу ступить не может, чтобы не наступить на какую-либо обывательскую мозоль?

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Существует общераспространенный взгляд на наше крестьянство, как на один из самых надежных оплотов русского самодержавия. Известная доля истины тут, конечно, есть, тем не менее такое утверждение требует некоторых оговорок. Естественный ход вещей мало-по-малу революционизирует и деревню. Самодержавие доживает последние минуты, и давление этой громадной умирающей и живо разлагающейся туши живо чувствуется везде — и в промышленных центрах, и в глухих деревушках. Приведем два знакомых нам факта, иллюстрирующих процесс освобождения деревни от векового гипноза, обусловившего до сих пор живучесть царизма. Одно из событий, о котором мы собираемся рассказать, имело место за последнее время в одном из уездов П-ской губернии. У крестьян деревни ** неправильно была оттягана местным купцом земля, которой они очень долго владели до того времени (в конце концов, впоследствии, высшая судебная инстанция решила дело в их пользу, ибо нашлись документы, доказавшие, что крестьяне были правы). Потеряв надежду на возможность найти правду у царских чиновников, которые-де «скрывают от царя-батюшки настоящую крестьянскую правду», мужички подали прошение самому «батюшке», но получили, разумеется, суровый отказ. Отказ этот они объяснили себе так, что «опять-де чиновники не допустили до царя-батюшки крестьянскую слезницу», и отрядили излюбленного человека для непосредственного обращения к исконному первоисточнику правды — к «царю-батюшке». Боясь новых козней со стороны «чиновников-министров», ходок нанялся рабочим в царский сад, хитро прятал прошение (держал в сапоге,

ибо при входе в сад рабочие строго обыскиваются) и, выбрав однажды удобный момент, бросился «самому» в ноги, немедленно был схвачен и отправлен на родину. Обескуражились мужички, но злополучной идеи своей о правде у царя не оставили, дожидаясь нового царствования (Николая II) и, все еще не изверившись в эту царскую правду, («думали, что тогда, прежнему-то царю, наговорили на нас супостаты-министры»), опять повторили свой опыт. На этот раз тот же ходок (кстати сказать, после первого приключения с ним ему был воспрещен въезд в столицу), одевшись железнодорожным носильщиком (или поступивши в ж.-д. носильщики), подкараулил как-то молодого царя на вокзале и опять бросился к нему в ноги, но снова был схвачен (прошение же на глазах «самого» было у него отобрано и «самому», конечно, не доставлено) и выпровожден этапным порядком в свою деревню. Крестьяне, отчаявшись после этого отыскать царскую правду, решили умереть на своей земле, а не давать ее в чужие руки. В результате — усмирение «бунта» солдатами, экзекуция и высылка на север трех наиболее деятельных протестантов, в том числе и злополучного ходока. Теперь деревенька эта уже окончательно изверилась в чиновничью и царскую правду, в значение христового воинства и т. д. Это доказывают, между прочим, бывшие позднее в ней недоразумения с администрацией, и те смелые речи, которые раздавались на сходах.

А вот и другой факт. В деревне Ж., II-кой губ., О. у., один из крестьян проникся мыслью — взять на себя своеобразную миссию спасения деревенского люда от удручающих его бедствий путем пропаганды идеи переселения. С этой целью он достал устав о переселении и, сообразуясь с этим уставом, обращался к местным властям за советом и содействием, но везде наталкивался на холодный прием и на более чем отрицательное к его идее отношение. После долгих тщетных хождений по присугственным местам он решил, наконец, действовать на собственный риск и страх, вооружился карандашом и бумагой и направился по всяким собирать подписи желающих переселиться. Исходивши порядочное количество деревень, он набрал уже до 150 таких подписей, как вдруг недреманное око станового усмотрело в этом акте противоправительственную деятельность. В одно прекрасное время усердный не по разуму администратор «орлом налетает» на бедную хижину Николая (так зовется герой рассказываемой нами подлинной истории), хватая его и отправляет в О. в холодную. Николай, однако, не растерялся и стал протестовать против незаконного лишения его свободы в таких приблизительно выражениях: «арестовать меня ты, конечно, можешь, на то тебе и власть дана, но как выпустишь на волю — тогда посмотрим; я этого дела не запущу и буду с тобой судиться». Становой, очевидно, призадумался над этой угрозой, ибо на третий же день ареста появился на собственные средства представить его в II. к губернатору. Тут между Николаем и губернатором произошел любопытный разговор в таком роде:

— Может ли становой меня без суда и без всякой моей вины лишить свободы?

— Становой арестовал тебя, потому что я ему это приказал, понимаешь? — внушительно произнес губернатор.

— Ага! Ну, так я против тебя, — обратился Николай к становому, — ничего теперь не имею, потому, значит, ты исполнял только волю начальства, а буду теперь иметь дело с господином губернатором.

Когда губернатор заметил ему, что арестован он не напрасно, а потому, что «волновал население», Николай горячо ему ответил: «Нет, я не волную население, а хочу ему только пособить, потому что начальство о нас не заботится и не хочет знать, что нашему брату-крестьянину жить становится невмоготу. Если не через год, то через два мы переидем горло друг другу из-за земли. Я к крестьянину на помощь иду, а вы называете это бунтовством». Губернатор дальше разговаривать не стал, а велел отправить его на родину и отдал под надзор полиции. Так как Николай в своих объяснениях с начальством ссылался все на какую-то книгу, из которой он почерпает уверенность в правоте своего дела (вероятно, какую-нибудь юридическую справочную книжечку о переселениях), то у него был произведен тщательный обыск, не приведший ни к каким

положительным результатам и только доставивший лишнюю минуту торжества Николаю.

Несмотря на все эти обстоятельства, Николай началое дело о переселении продолжал, и около 15 мая н. г. назначил всем своим клиентам, будущим переселенцам, собраться в селение, где помещается волостное правление, на сход для того, чтобы выбрать ходоков и собрать деньги. Вся местная полиция, во главе с помощником исправника, явилась в назначенный для схода день на место предполагаемого «бунта».

«Бунт» однако, не состоялся, ибо часть явившихся на сход по приглашению Николая, натолкнувшись на полицию, поспешила возвратиться восвояси, а часть получила еще дорогой сведения о том, что являться не нужно: полиция разгоняет. Николая же после этого отдали под суд земского начальника. Этот последний допросил массу народа, пытаясь установить факт корыстного мотива в затее Николая, но это ему не удалось. При объяснении с земским начальником Николай, по своему обыкновению, держал себя весьма независимо, доказывал, что его могут судить, осудить, в кугузку сажать, но, отсидев свой срок, он все же будет продолжать действовать в том же направлении. Земский принужден был отказаться от роли обвинителя, пообещав все дело направить к судебному следователю и отпустил Николая на волю, а Николай, рассчитывая, повидимому, встретить поддержку свыше, исчез, как говорят, в Петербург, откуда, по всей вероятности, скоро вернется в сопровождении солдата.

По личным отзывам крестьян и мелко-травчатой полиции, Николай человек неглупый, власти же рангом выше распускают упорно и настойчиво слух, что это не всеблагостный, сумасшедший мужик, совершающий свои подвиги вследствие простого недомыслия. Личность Николая стала весьма популярной в его округе, и весь этот эпизод заставляет крестьян много толковать о бессовестности начальства, о закреплении крестьян, о прикреплении их к месту жительства ради помещичьих выгод и т. д.

[П. Лепешинский]

В Костроме в начале июля был распространен листок, выпущенный за подписью «Группы интеллигентов», в котором предостерегают от сношений с техником Александром Ивановичем Врублевским, который, будучи призван в качестве свидетеля в жандармское управление, не только дал обстоятельные ответы на все предложенные ему вопросы, но даже говорил о многом, о чем его вовсе не спрашивали, при чем назвал много лиц, которые, будто бы, давали ему нелегальную литературу. Все это он сделал, повидимому, желая заслужить расположение жандармского начальства, может быть, даже желая поступить к нему в качестве сыщика на службу (хотя он крайне глуп и болтлив для этой роли). В результате же оказалось, что он сам попал в обвиняемые по 318 и 252 ст., угодил под особый надзор полиции. Врублевский оговорил не только интеллигентов, но и многих рабочих.

Весь май начальство сильно боялось рабочих беспорядков, и, начиная с первых чисел мая, каждый день находятся наготове, по распоряжению губернатора, тридцать человек солдат, вооруженных боевыми патронами. По улицам города, собственно в фабричном районе, шляется масса переодетых жандармских и полицейских солдат; говорят, что прибыло много сыщиков из Петербурга. Носятся слухи, что шпионы пущены Кемпе в виде сторожей также в местные учебные заведения: мужскую и женскую гимназию, духовную семинарию, техническое и реальное училище (в последнее поступил новый сторож из бывших жандармских солдат).

В июне губернатор выпустил к полиции два циркуляра: один касается земских статистиков, в нем предписывается исправникам наблюдать, чтобы земские статистики, отправившиеся по уездам на исследование, не оказали дурного влияния на тамошнее общество, т. е. среди них масса лиц, находящихся в списке политической неблагонадежности, под надзором полиции. Другой циркуляр приведен нами дословно в ном 6 (см. «Последние Известия»).

Вильна. Сообщаю подробности об ошмянском «сунте». С год назад в Ошмянский уезд, Вишнев. волости, вернулся с военной службы отставной солдат, который, откопав какое-то положение о крестьянах Западного края 1877 г., отыскал в нем установление крестьянского надела в 8 дес., тогда как в настоящее время он равен прибл. 2—2½ дес. Основываясь на этом положении, он повел усиленную агитацию среди крестьян, напирая на то, что царский указ нарушен повсюду помещиками. Возбуждение среди крестьян (шести волостей) достигло крайнего напряжения, и нужен был лишь толчок для его резкого проявления. Таким толчком явился приезд партии землемеров для съемки планов. В первый же день их работ они были окружены толпою крестьян из шести волостей (от 2.000 до 3.000 чел.), которые требовали от них, чтобы новые планы составлялись по упомянутому положению, т. е. чтобы из помещичьих земель была сделана прирезка к существующим двухдесятинным наделам. Землемеры разошлись и на другой день явились на место работ в сопровождении всего состава полицейских властей всех шести волостей (свыше ста чел. — становые, сотские, десятники и пр.). Увещения ни к чему не повели, крестьяне легли на землю и таким пассивным сопротивлением не дали возможности приступить к работам. В особенности выделялись бабы, которые, благодаря уверениям солдата, что в прошлом году вышел царский указ о том, чтобы женщины в тюрьму не сажать и вообще не предавать суду, вели себя весьма вызывающим образом и смеются мужчине. По телеграфу были вызваны две сотни казаков и батальон солдат, пришедшие во главе с губернатором. Немедленно было арестовано 50 «зачинщиков» (в том числе и солдат), после чего крестьяне покорились. Подробностей о «внушениях» на месте пока нет, но будут. Наказание «бунтовщикам» след.: из 50 арестованных — 20 чет., против которых нет прямых улик, в порядке усиленной охраны по распоряжению Сипягина уже отправлены в Восточную Сибирь. Остальные сидят в тюрьме и привлечены к суду за сопротивление властям. Остальная же масса «бунтовщиков» наказана тем, что в бунтовавших деревнях по избам расквартировали две роты солдат до октября месяца, что означает полное разорение крестьян, так как они должны давать солдатам полное содержание.

В тюремных застенках. Ряд «тюремных драм» совершился в течение нынешней весны. В Митавской тюрьме гимназист Крейер, мальчик 15-ти лет, зарезался после того, как угрозами и насилием жандармского офицера Кладо был вынужден дать компрометирующие других показания. В Лодзи рабочий Янкель Пакула, избитый полицейскими в участке, «найден» в своей камере повесившимся, как говорится в полицейском протоколе; по уверению же соседей, слышавших крики и стоны, Пакула повешен полицейскими после того, как умер от нанесенных ему побоев. Когда шум, вызванный в Лодзи этим происшествием, дошел до ушей начальства, оно напечатало официальное опровержение «слухов» об убийстве Пакулы, уверяя, что покойный повесился «из страха наказания за свое преступление».

6 июня в киевской тюрьме началась голодовка 35 политических заключенных. Голодавшие выставили требование, чтобы в течение недели заключенным были предъявлены определенные обвинения в присутствии прокурора (так водится, и в этом году перед первым мая нахвачено было жандармами до ста человек, при чем только после ареста жандармы стали подбирать «улики»). После четырехдневной голодовки власти должны были сдаться, всем заключенным произведен допрос, и многие выпущены.

Около того же времени в богодуховской тюрьме (близ Харькова) такая же голодовка была проведена 16-ью политическими. Пом. прис. пов. В. Рогачевский с 29 декабря 1900 г. по 24 мая 1901 г. сидел без допросов. После того, как все его юридически обоснованные заявления были оставлены без удовлетворения, Рогачевский «объявил голодовку», к которой примкнуло еще 15 заключенных. Голодовка длилась 10 дней, пока жандармы решили уступить, допросили Рогачевского и выпустили его.

В харьковской тюрьме, по сведениям «Красного Креста», покушался дважды на самоубийство Алекс. Андр. Котлярова (служившая в земстве) после пяти месяцев заключения. После второй попытки самоубийства Котлярова выпущена — в психиатрическую лечебницу.

ИНЦИДЕНТ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ ЗЕМСТВЕ.

Г. Родзянко, председатель Екатеринославской губернской земской управы, уже успевший прославиться на всю Россию, снова напоминает о своем существовании следующей выходкой. Он потребовал от статистиков, чтобы они на исследованиях вели дневник работ; цель этой выдумки — контроль за статистиками. Встретив молчанием это требование, статистики отправились на исследование, дневников не вели и, приехав с исследований, оправдательных документов о времяпрепровождении не представили, чем и вызвали гнев действительного статского советника и камергера двора Г. Родзянко, который, дабы впредь и другим неповадно было, повелел уволить за ослушание заведующего и трех статистиков. Нужно заметить, что незадолго до разыгравшейся истории сам же Г. Родзянко отзывался об екатеринославских статистиках как о людях с достаточной подготовкой для работы, за которую взялись. Таким образом, увольнение статистиков нужно рассматривать как наказание только за неисполнение нелепого требования. В ответ на увольнение товарищей остальные члены бюро подали в управу заявление о том, что они не могут продолжать службу в управе, которая не пользуется их уважением. «Ничего», — сказал Г. Родзянко, — пусть уходят; я еду в Москву и привезу оттуда целый вагон статистиков». События показали, однако, что Г. Родзянко в своих расчетах на Москву, вероятно, ошибется. Дело в том, что вести о случившемся дошли до харьковских статистиков, которые решили бойкотировать Г. Родзянко, о чем оповестили его (см. I), екатеринославских статистиков (см. II) и все 34 статистические бюро России (см. III).

I. М. Г., Г. Родзянко!

Преследуя исключительно фискальные цели, вы требовали от екатеринославских статистиков ведения дневников. Вам, конечно, принадлежит неоспоримое право доверять или не доверять служащим в земстве, но на вас же вместе с тем лежит обязанность, в случае недоверия, прямо заявлять об этом, а не устанавливать оскорбительный полицейский надзор за работниками. — тем более, что в вашем распоряжении для определения право- и работоспособности служащих всегда найдется достаточно данных и помимо измышленных вами дневников. Екатеринославские статистики, естественно, отказались выполнить оскорбляющие их требования, как отказались это сделать все в их положении, — а вы в ответ на этот отказ не постеснялись уволить от службы некоторых статистиков и тем вызвали коллегиальную отставку бюро. Ваш образ действий, более свойственный лицам, сидящим в бюрократическом, а не земском кресле, заставляет выразить вам свое негодование и объявить бойкот Екатеринославскому земству — отказом работать у него — до тех пор, пока вы не откажетесь от своего решения по отношению к екатеринославским статистикам или, по тем или другим причинам, не оставите земскую службу.

II. Товарищи!

Глубоко возмущенные поступком председателя Екат. губ. земской управы Г. Родзянко, мы харьковские статистики, шлем вам товарищеский привет и свое сочувствие. Мы надеемся, что и товарищи других земских статистических бюро отнесутся столь же сочувственно к вам и с таким же негодованием по адресу Г. Родзянко, и потому обрзаемся к ним с предложением бойкотировать Екатеринославское земство — отказом работать у него до тех пор, пока Г. Родзянко не откажется от своего решения по отношению к вам, статистикам, или не оставит по тем или другим причинам земскую службу.

III. Товарищи!

Вам, наверное, известна участь екатеринославского бюро. Мы, харьковские статистики, обсудив обстоятельства этого дела, пришли к следующему: в виду того, что крах екатеринославского бюро является результатом дикого бюрократического произвола г. Родзянко, производящего элементарные правила отношений земских служащих по выборам к земским служащим по найму; в виду того, что с таким все чаще и чаще повторяющимся явлением возможно бороться только сообща, — мы решили бойкотировать Екатеринославское земство — отказом работать у него до тех пор, пока г. Родзянко не откажется от своего решения по отношению к екатеринославским статистикам или по тем или иным причинам не оставит земскую службу. Сообщая об этом, мы предлагаем вам присоединиться к нашему решению, известив об этом нас, екатеринославских статистиков, и г. Родзянко, который должен же знать о том негодовании, какое вызывает в земских работниках его последнее распоряжение и его земская деятельность вообще.

На почве этого инцидента разыгрался другой, уже в Харьковском земстве. Единомышленник г. Родзянко, председатель Харьковской губ. зем. управы, г. Гордеенко, узнав о намерении харьковских статистиков выразить порицание г. Родзянко, предупредил статистиков, что в случае исполнения сего намерения, о котором он осведомлен «по дошедшим до него слухам», им будут приняты меры, т. е. сделан донос, куда следует, и прибавил, что на будущее время никакие совещания служащих по вопросам, не касающимся служебных обязанностей, в стенах управы терпимы быть не могут. Это заявление г. Гордеенко было оставлено статистиками без ответа письменного, устно же ему было заявлено, что свои намерения статистики считают своим частным делом, до которого управе нет дела. В настоящее время в бюро царит сильное напряжение, которое может развиться новым скандалом. Дело в том, что в управе во многих ее отделениях имеются шпионы, служащие источником тех «слухов», на которые г. Гордеенко не постеснялся сослаться в своем официальном обращении к статистикам. Несомненно, что теми же «слухами» пользуются и жандармы. Один из шпионов сидит и в статистиков, у которых до сих пор не хватало мужества вышвырнуть этого негодяя из бюро, несмотря на то, что об этом вопрос неоднократно подымался: бедняги слишком дорожат своими работами и думают, что изгнание шпиона повлечет за собою раскассирование бюро. Фраза г. Гордеенко о «слухах» снова возбудила вопрос о шпионах, опять статистики волнуются, и неужели опять впустую? Чего доброго! Поразительно малой дозой протеста наделен русский обыватель, даже такой, как статистик, зато терпения ему отпущено не в меру много.

* * *

Мы, с своей стороны, от всей души приветствуем прекрасный почин харьковских статистиков и рекомендуем всем служащим и в земских, и в общественных, и в правительственных учреждениях предавать гласности и публичному позору подобные проявления полицейского произвола и доносничьего рвения всяческих русских «помпадуров».

Харьков, 2 августа.

После той бумаги, в которой Гордеенко, основываясь на «слухах», грозил статистикам «мерами», статистики тоже решили принять меры против шпионства, свившего себе прочное гнездо во всех учреждениях губернского земства. Они решили требовать удаления Антоновича — шпиона в статистическом отделении. Приведение в исполнение этого решения было отложено до 18 июля, когда в коллегиальном заседании управы должно было рассматриваться заявление одного из членов управы по тем же вопросам. Велико было удивление статистиков, когда они на другой день узнали, что коллегия не только не уволила Антоновича, про которого Гордеенко сказал: «Антонович не

шпионил, а исполнял свой долг», но даже сочла необходимым уволить заведующего бюро. Теперь в дело вмешались и остальные служащие управы, до сих пор ведшие себя более чем скромно. Пока заведующий бюро не получил еще официального извещения об отставке, к Гордеенко была отправлена депутация, которая в самых скромных формах предложила Гордеенко взять решение об увольнении заведующего бюро обратно, намекнув, что в противном случае последует увольнение многих служащих из других отделений управы. Гордеенко готов был пойти на уступки — пересмотреть решение об увольнении заведующего бюро. Назначен был срок окончательного решения вопроса — 24 июля. Служащие управы готовы были помириться на возвращении заведующего бюро, забыв, что дело ведь началось с Антоновича — показателя целой системы. Однако, статистики не соглашались сначала, но потом уступили. — отступились от своих основных требований. Но как раз в тот момент, когда статистики пошли на компромисс, Гордеенко получил от губернатора конфиденциальное сообщение с приложением копии с письма, отправленного харьковскими статистиками Родзянко, и предложением «принять меры». Созванное Гордеенко по этому поводу коллегиальное заседание управы подтвердило свое решение об увольнении заведующего бюро и постановило предложить всем статистикам уволиться. Статистики, не дождавшись формального извещения о состоявшемся постановлении, 25 числа подали в отставку (19 человек, трое отказались). Примеру их последовало 23 человека из других отделений управы, в том числе губернский санитарный врач, эпидемические врачи, губернский агроном и заведующие и помощники заведующих другими отделами управы (не все, конечно).

В больнице губернского земства одновременно тоже разыгралась история на той же почве, что и в управе: требование служащих об удалении смотрителя больницы, обвинявшегося в шпионстве, было удовлетворено управой.

В родовспомогательном приюте Х. г. зем. тоже была история. Член управы на основании опроса низшего медицинского персонала внес в управу предложение об увольнении врача, заведующего приютом, не спросив у последнего никаких разъяснений. Это была настолько дикая выходка, что даже почтенная управская коллегия решила уволить не врача, а тех, кто давал показания о нем. Врач же, как говорят, намерен привлечь члена управы за клевету к судебной ответственности.

Получено из Симферополя извещение о крахе статистического бюро. Как сообщают, в этой новой истории принимали участие «губернатор, жандармы и проч. учреждения».

«Доброе слово к русскому народу». Не всегда с «крамолой» борются средствами грубого насилия. В этом можно убедиться из недавно разосланного по фабрикам следующего воззвания:

Затребовать и получить
к 22 июля.

К сведению
Гг. владельцев и управляющих
мануфактур, фабрик и заводов!

Г. министр Императорского Двора от 10 июня 1901 г. за № 4969 приказал разрешить напечатать дешевое народное издание для распространения среди фабрично-заводского населения, для его успокоения, дабы поддержать законный порядок и ход обычных работ и оградить его от происходящих и могущих произойти смут и беспорядков, вследствие умственных брожений и ложных суждений о Претерпевающей власти.

Издание это предлагается для распространения в возможно большем числе экземпляров как среди сельского населения, так и рабочих мануфактур, фабрик и заводов. Затребованные и полученные экземпляры издания следует раздавать в ближайший праздничный день и при возможности торжественной обстановке всем рабочим, не исключая женщин и детей:

ДОБРОЕ СЛОВО К РУССКОМУ НАРОДУ

Сочинение религиозно-нравственного содержания, проникнутое высоко-патриотическим духом, с портретами Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы.

Издание высылается по следующей расценке:

Цена за: 15 экз. — 1 р.; 30 экз. — 2 р.; 50 экз. — 3 р.; 100 экз. — 5 р.; 500 — 22 р. 50 к.; 1000 — 40 р.; 3000 — 110 р. 4000 и более считаются по 3 коп. экземпляра.

Требования прислать заблаговременно, с получением сего предложения с тем, чтобы издания были получены своевременно.

Затребовать и получить по числу рабочих.

Требования адресовать: в СПб., книжному магазину «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА», Николаевская, 39.

Адр. для телеграмм: СПб., магазин «Народная Польза». От С.-Петербургского Комитета Духовной Цензуры печатать разрешается, 19 июня 1901 г. Цензор архимандрит Антонин.

На заголовке красуется царская корона. Другая украшает оборотную сторону листка. Таким образом, обращенные к фабрикантам предложение «затребовать» книжку по числу рабочих обставлено достаточно торжественно. Попробуй-ка г. фабрикант отказаться от приобретения сего сочинения, «проникнутого высоко-патриотическим духом»! Издатели, несомненно, обделают выгодное дельце!

Как, однако, должны печально обстоять дела с «законным порядком» среди фабрично-заводского населения, если сторонники этого порядка вынуждены прибегнуть к печатному слову для борьбы с «умственными брожениями и ложными суждениями о предрежающей власти»! Ведь печатное слово — палка о двух концах! Познакомившись с «добрым словом», направленным к его вразумлению, рабочих, пожалуй, полюбопытствует познакомиться и с тем правдивым словом, которое сумеет попасть в его руки, — правда, без всякой торжественной обстановки.

* * *

Сейчас мы получили новое «извещение» почтенной фирмы, свидетельствующее о том, какими средствами действуют «религиозно-нравственно-патриотические» борцы с крамолой. Вот текст «извещения»:

ИЗВЕЩЕНИЕ.

«Затребованное Вами издание „Доброе слово к русскому народу“ в количестве 10 экземпляров не соответствует статистическим данным министерства финансов, по спискам которого значится, что число рабочих доходит до 120 человек, а потому по числу их издание и может быть выслано; имея в виду то, что каждое требование заносится в ведомость для представления к сведению. Просим дать ответ».

На заголовке опять царская корона. Предприимчивые патриоты запаслись «статистическими данными» и «с пристрастием» требуют, чтобы фабриканты выписывали не иначе, как по числу рабочих, ибо «каждое требование заносится в ведомость для представления к сведению».

Высылка из России Джорджа Кеннана⁶ Автор известной книги о русской ссылке, вновь посетив.

Или, говоря простым русским языком: клади денежки об это место или я «представлю к сведению» самый «религиозно-нравственно-патриотический» донос начальству. Иной недавно Россию, выслан по распоряжению министра внутренних дел из России в сопровождении полицейского. Высылка последовала в виду его «политической неблагонадежности». Это, конечно, не значит, чтобы правительство считало Кеннана революционером. Но чтобы стать врагом русского правительства, и не нужно быть революционером. Достаточно написать правдивую книгу, в которой рассказано о том, что правительство делает со своими жертвами в каторжных тюрьмах и местах ссылки.

Можно надеяться, что своей выходкой русское правительство восстановит свою честь в глазах цивилизованного

мира. Кеннан писал, что в России нет никакой свободы и что каждое проявление свободной общественной деятельности карается как политическое преступление.

Высылка Кеннана, вероятно, имеет в виду доказать Европе и Америке, что свободы у нас вполне достаточно... чтобы наказать иностранца за то, что он иностранцам говорит правду о России.

Пирамидов умер! Владимира Михайловича Пирамидова не стало. Он умер на посту, охраняя своего султана на одном из торжеств в честь постройки нового орудия истребления людей. Царский флаг, сорванный разыгравшейся бурей, раздавил верного жандарма. Нельзя ли видеть в сем некоем предзнаменования?

Начав свою службу в Москве и развернув свои инквизиторские способности в Одессе, Пирамидов в 1897 г. был назначен начальником охранного отделения в Петербурге. В напечатанном в «Листке Работника» (№ 5) «Послужном списке полковника Пирамидова», составленном безвременно погибшим в ссылке товарищем Федосеевым, предсказывалось, что Пирамидов в своей новой должности «намерен производить массовые погромы», захватывая разом не только подозреваемых в революционной деятельности, но и всех знакомых с такими лицами.

Предсказание оправдалось, и «эра Пирамидова» ознаменовалась действительно, все учащавшимися погромами, захватывавшими каждый раз самую разнообразную публику. В 1897 г. походов на «внутренних врагов» им совершено в Петербурге шесть (в феврале, марте, дважды в апреле, мае, августе), в 1898 г. шесть (в январе, марте, мае, июле, сентябре, декабре), в 1899 г. восемь (в феврале, марте, дважды в апреле, в июне, августе, октябре, декабре), в 1900 г. пять (в марте, апреле, мае, августе, декабре) и в 1901 г. вплоть до кончины — семь (в январе, дважды в феврале, в марте, апреле, мае и июне), при чем апрельский поход затмил количеством взятых в плен все предыдущие и принес победителю неуязвимый трофей — пуд гвоздей, арестованных у одного мирного литератора в предположении, что они назначены для стрельбы картечью из пушек революции.

Само собою разумеется, что при таких массовых погромах случались «ошибочки» вроде заарестования не причастного к революции Костромина, который зарезался в доме предварительного заключения. Самосожжение Ветровой тоже произошло в царствование Пирамидова. Общее количество умерших от нажитых в тюрьме болезней и сошедших с ума не поддается учету; во всяком случае оно не незначительно.

Точно так же не легко подсчитать количество шпионов и провокаторов, пущенных Пирамидовым в обращение в среду рабочих и молодежи.

Герою 30-ти слишком походов против «внутреннего врага» были, само собою разумеется, возданы должные по смертным почести. За гробом несли венки с пикантными надписями, как, например, «от тайной агентуры». До сих пор венки с такими надписями, наверное, не встречались на чьих-либо похоронах. За Судейкиным несли, правда, венок «от сослуживцев», но так, чтобы просто от... шпионов, нет, этого не бывало.

Прогресс нравов подвигается с удивительной быстротой. Нет никакого сомнения, что на гроб Витте будет своевременно возложен венок «от взлелеянных казнокредов», на гроб Муравьева — «от спасенных мздоимцев» и на гроб Николая Романова — «от тысячи и одной балерины».

Но если похороны Пирамидова отличались от похорон Судейкина большим цинизмом, то трогательны они были не менее их. На гроб Судейкина посланы были венки от царицы, Пирамидова почтили венками некоторые великие князья и сама королева эллинов. Так все прочнее скрепляются узы между царским престолом и жандармским застенком. И будут скрепляться эти узы до тех пор, пока разыгравшаяся буря, сорвав царский флаг, не раздавит на месте многоголовую жандармскую гидру.

Для петербургских рабочих имя Пирамидова будет всегда связано с первым периодом их массового выступления на путь классовой борьбы, как имя бессовестнейшего и беспощаднейшего из царских палачей.

САМОНОВЕЙШЕЕ ОТКРЫТИЕ.

Средство против упорных голодовок! Привилегия принадлежит князю Оболенскому!

Город Елисаветград до сих пор считался очень тихим и скромным городом. Революциями не занимался и против начальства не восставал. Правда, в 1879 г. на елисаветградском вокзале был арестован Григорий Гольденберг с тюком динамита, но это обстоятельство не было поставлено городу в вину. В 1898 г. обнаружена в Елисаветграде социал-демократическая пропаганда, но она оказалась завезенной одесскими агитаторами и пресечена в корне. Местные рабочие пошли за г. Левитским и с разрешения властей устраивают артели... На всякий случай, однако, начальство вот уже два года воспрещает селиться в Елисаветграде людям поднадзорным и тем самым спасло этот город от наплыва радикальной публики. Все бы казалось, хорошо, ан нет...

В Елисаветградском уезде появился голод, который продолжался два года. А раз голод, то не преминула появиться и «агитация» беспокойных людей, организаторов помощи голодающим. Появились письма в газетах о голоде и голодном тифе, наехали в уезд смутьяны из посторонней интеллигенции, словом, поднялся шум.

Кн. Оболенский, губернатор херсонский, сперва помалкивал, потом стал ругаться (обозвал сообщения земских врачей ложными), потом запретил наезжим смутьянам оказывать помощь мужикам, закрыл книжный склад, объявил несогласным с видами самодержавного правительства открытие яслей для голодающих мужичьих детей. Наконец, заявил, что отныне голод в Елисаветградском уезде прекращается... Все не помогло: помощь прекратили, а мужик все как будто вид имеет оголодавший. Тогда херсонский губернатор строчит бумажку в Петербург и получает ответ, который должен его совершенно успокоить. Как сообщают газеты, власти гор. Елисаветграда получили уведомление от херсонского губернского правления, что город объявлен на положении усиленной охраны.

«Средствие» найдено; теперь-то, надо полагать, хозяйство елисаветградского мужика станет на ноги.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. С настроением петербургских рабочих в период летних беспорядков можно судить по следующему письму, полученному нашим товарищем от одного ткача. В письме высказано также отношение некоторых рабочих кружков к тому политическому направлению, которому служит наша газета, по поводу получения которой собственно и написано письмо (речь идет о № 4 «Искры»).

...«Я многим товарищам показывал „Искру“ и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже „Мысли“, хоть и нет там наших строк. Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь, когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я простой рабочий и совсем уж не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень! Сейчас все рабочие точно керосином облитые, многие даже на лицо переменялись, и это все видно: теперь уж мастера многих не трогают, и в праздник полиция вежливо просит на нашей стороне толпой не стоять, и так просит, будто рабочий завтра свободу

получит. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал: «С чего начать», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено. Я Вам правду сказал на прощанье: часто мы Вас поминать будем. Вот Вы были бы, Вы бы уж, наверное, устроили нам: хочется нам письмо в эту самую „Искру“ Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть. Вы, небось, смеетесь и скажете, что всего в газете не напишешь, это так, а все-таки в этот раз я прочитал то, что еще нигде не было написано. Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать. И как нарочно никого: Вас нет, вместо Вас никого, союзников словно вымело, а самим, ведь, не справиться; тут у нас затевают, если еще в другой раз в расчет уволят, так итти всем громить фабрику, пусть пропадет, коль кормить не может. А разве серьезно! Я, да и другие тоже подбиваем, лучше на Невский выйти, да на знамени написать: работы и свободы, да развз одним совладать? Пусть бы видели, какие русские рабочие. Теперь только начать нужно, а там все пойдет, все движется, везде тлеет. Вот смотрите, было на тракту, было у нас, у балтийцев; а скоро путиловцы такое покажут, что у нас и не видавали. Со многими мы простимся, многих у нас вырвут, много и ошибок наделаем, да в таком деле иначе нельзя. Во-первых, а второе — уж дело больно крупное начинается. Это еще не конец, это только первый пожар, и его потушат, но огонь будет так яростен, что и слепые увидят, что кому нужно, кто кому враг, а уж второй пожар солдаты заливать не пойдут. Вы, верно, бранитесь, что не пишу, как у нас, про события. Про В. (убитого) Вы знаете; если вы знали Ф., так ему тоже голову прошибли. В другой раз напишу, если Вам любопытно и если цел буду; ну, да выплыву, может, еще вместе поработаем — то-то бы хорошо».

Как нам пишут, с 7 июля Обуховский завод опять забастовал вследствие того, что уволенный было помощник директора Иванов, виновник первой стачки, снова появился на заводе. 12 июля арестовано до 120 рабочих с этого завода.

В Центральном районе. Обилие штрафов при 12—13 руб. месячной платы для взрослого рабочего, редкая выдача этого заработка (раз в месяц) — таковы условия труда в прядильно-ткацкой фабрике г. Классина в Романове-Борисоглебске, Ярославской губернии. К этому еще присоединяется застарелая язва российской фабрики — хозяйская лавка. Товар в такой лавке недоброкачественный, цены более высокие, чем те, какие значатся в утвержденной фабричным инспектором таксе. При покупке товара в заборной лавке отмечается та цена, которая показана в таксе, надбавка же уплачивается наличными деньгами. В виду редкой выдачи заработка, рабочим часто приходится для покупки товара, не имеющегося в хозяйской лавке, совершать коммерческую операцию: купить какой-нибудь ненужный товар в этой лавке и перепродать его, теряя 20% убытка.

Зато на бумагопрядильной фабрике Франко-Русского общества близ станции Павлово (Московско-Нижегородской ж. д.) теми же доблестями отличается лавка... потребительного общества. «Обвешиваются на целые фунты», — пишут нам оттуда, а когда обвешенный покупатель, узнав дома об обмане, явится обратно в лавку, то его же обвиняют в непорядочности: сам-де дома отрезал, а потом пришел сюда.

Кострома. Все арестованные в апреле освобождены в июне. Обвинялись в участии в костромской социал-демократической группе (по 318 и 252 ст.). Улик не добыт никаких.

Рабочий Иван Румянцев по делу 1900 г. приговорен к 2 месяцам тюрьмы и году высылки. По тому же делу высланы еще на два года в Вятскую губ. работница Мария Семенова, в Казанскую губ. на два года ее сестра Ольга Семенова; на один год в Саратовскую губернию рабочий с фабрики Зотова Павел Кузбиков и слесарь Андрей Вахов; в Самарскую губ. на один год слесарь Павел Блохин; туда же на два года рабочий Иван Обухов; в Астраханскую губ. на один год конторщик Сергей Zubov (человек, ни в чем неповинный и ни к чему не причастный). В Казанскую губ. на два года: слесарь с фабрики Зотовых Капитон Лапшин, рабочий той же фабрики Иван Данилов, рабочие Никанор Соколов и Иван Барабанов (в Кострому был выслан из Петербурга). Туда же на один год Константин Барабанов. В ночь с 4 на 5 июня у рабочих были опять обыски. Арестован Лапшин, но через несколько дней выпущен. Обыски повторились 21 июня. Все эти события вызывают массу толков среди рабочих, спрос на нелегальную литературу значительно увеличился, ею интересуются такие рабочие, которые прежде не стали бы ее и читать. Даже самым «серым» рабочим, только что пришедшим из деревни, любопытно знать, «за что это людей берут» и что написано в тех книжках, которые «ищет полиция».

На допросах полковник Кемпе некоторым рабочим говорил: знаем мы, чего вы добиваетесь — восьми часов труда; сделай по-вашему, а вы потом голову нам оторвете. Такими фразами очень поднимают дух у всех работающих, так как каждый признает за собой силу, с которой надо бороться и которой боится правительство.

Саратов. Стачное движение. В среду 6 июня рабочие железно-дорожных мастерских за час до обеда прекратили работу, предъявив вызванному им начальнику мастерских требование отмены существующей системы штрафов (при этой системе за прогул одного дня у рабочего вычитали двухдневную плату, при опоздании хотя бы на полчаса — вычитали полдня). После неудачной попытки провести рабочих кажущейся уступкой, начальник мастерских удовлетворил их требование, но рабочие, посовещавшись между собою, предъявили ряд новых требований, как-то: повышение расценок, понизившихся за последние пять лет по некоторым предметам на 50 проц., затем выбора рабочими старост для разбора мелких недоразумений с управлением. Не решаясь самолично удовлетворить новые требования, начальник мастерских вызвал телеграммой начальника дороги, начальника тяги и жандармского полковника. Последний, впрочем, в первый же день забастовки был на месте «сражения» и говорил рабочим, что он является представителем царской власти, не заинтересованной в притеснении рабочих, что он их отец, а они его дети и т. д.

В четверг рабочие не работали. В пятницу же утром собрались в мастерские выслушать решение начальства, устроившего в этот день военный совет. Надо заметить, что железно-дорожное начальство, видимо, растерялось, и действиями его стал руководить жандармский полковник Сыропятов, человек довольно ловкий. Выйдя к рабочим, полковник стал читать им ответ начальства. Штрафы отменялись, расценки повышены. Рабочие были довольны результатом забастовки, старики благодарили полковника. В субботу работы возобновились, но в 9 часов утра рабочие снова забастовали, сочтя себя обманутыми: по вывешенным правилам — вопреки словесному заявлению полковника — при объявлении вводимых новым порядком «предостережений» за прогул (после трех таких предостережений) рабочий увольняется. В счет принимались прогулы до завтрака, тогда как полковник обещал, что такие прогулы в счет итти не будут. Жандармский полковник угрожал рабочим не появляться на работу до приезда начальника дороги, на что рабочие согласились. В среду 13-го, по приезде начальника, в мастерских вывешено было объявление, удовлетворяющее часть требований рабочих. «Предостережения» устанавливаются только за прогул по неуважительным причинам, обещано сокращение рабочего

времени и «разрешается каждому цеху иметь своего избранного старосту для выяснения нужд и желаний рабочих». В конце объявления добавлено, что рабочие получают плату за дни стачки, но что при повторении стачки мастерские будут закрыты. Рабочие молча согласились продолжать работу. Хотя победа неполная, но рабочие довольны ею. Важно то, что все дни забастовки рабочие вели себя образцово и не было никаких поводов к вмешательству жандармерии. Никаких «зачинщиков» не было и пострадавших пока нет. Старосты уже выбраны и приступили к исполнению своих обязанностей.

Стачка произвела большое впечатление и на рабочих других заводов. Под ее влиянием начали волноваться рабочие механического завода Беринга (работает 250 чел.). Последний завод давно славится неаккуратной расплатой с рабочими. Года два назад там было уже столкновение по этому поводу. Некоторое время назад управление завода вывесило объявление, что отменяется время на завтрак (полчаса); работа должна начинаться с 6-ти и итти непрерывно до 12-ти, затем дается час на обед (прежде полтора часа); зато общий рабочий день сокращается на один час, т. е. управление завода даровало 1 час рабочим из их же времени (полчаса из завтрака и полчаса из обеда). В пятницу 15 июня рабочие завода собрались перед заводом и потребовали отмены этого нововведения, аккуратной расплаты за прожитое время, ограничения «ученичества» и проч. Все эти требования были помещены в гектографированной прокламации, один экземпляр которой был найден у одного ученика и представлен начальству. На место действия уже прибыл пристав второй части и низшая полиция. В пятницу и субботу переговоры ни к чему не привели: работы, однако, не производились. В субботу или в воскресенье от администрации завода было вывешено требование, чтобы рабочие вышли на работу, а нежелающие чтобы брали расчет. 45 человек явились в контору и тут встречены были полицией и жандармами. Всех 45 человек отправили в часть, но дорогой 5 рабочих вернулись на работу. В понедельник с работ взяли еще 23 человека, а во вторник 16 человек. Из них более десятка выслано из Саратова административным порядком. После стачки на заводе были распространены прокламации, выясняющие причину ее неудачи.

Слабые попытки устроить забастовку были и на чугуно-литейном заводе Макарова. Но когда приехал фабричный инспектор, то недовольство выразил один лишь интеллигентный рабочий, а остальные его не поддержали. Недовольному было предложено удалиться с завода.

Саратов. Стачка крестьян-рабочих. В селе Николаевском, Саратовского уезда (в 45 верстах от Саратова), находится земледельческое училище, учителя которого имеют порядочное влияние на ход дел у крестьян этого села. По инициативе инспектора училища Зенкевича при сельском ссудо-сберегательном товариществе была устроена мастерская плугов. В мастерской работало 18 мастеров, а с учениками до 25 человек, большая часть их из местных крестьян. В конце мая рабочие прекратили работу, предъявив заведующему мастерской следующие требования: увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня на 1 час (до 9½ час.), увольнение конторщицы, выдача денег два раза в месяц, правильные часы, прекращение произвольных понижений платы, отмена штрафов (не вычитать за один день болезни), правильное обучение учеников. Стачка продолжалась две недели, пока рабочим надоело ждать и они задумали устроить артельную мастерскую, что и было сделано при помощи небольшого займа. Время для стачки было выбрано неудачное, так как большая часть заказов была уже выполнена.

Ссудо-сберегательные товарищества, как известно, представляют тоже один из излюбленных нашими народолюбцами способов решения рабочего вопроса помимо «грубых» средств классовой борьбы, выдуманных европейским пролетариатом. Как видно из корреспонденции, «товарищество» деревенских хозяйчиков вело свое дело эксплуатации своих «однообщинников»-пролетариев почище любого

фабриканта с мошенническими часами, со штрафами за болезнь (!), с незаконной расплатой менее двух раз в месяц и пр. и пр.

Рабочий в роли попа-увещевателя. В Николаевске (Самарской губ.) возникла стачка на механическом заводе. Заводчик обратился к своему приятелю в Саратове, тоже заводчику Коробову, чтобы тот прислал ему человека, который бы оказал воздействие на рабочих. Коробов отправил в Николаевск рабочего Трусова, административно-высланного в Саратов. Приехав в Николаевск, Трусов остановился у заводчика, который его принял с расprostертыми объятиями. Трусов уговорил рабочих прекратить стачку, уверяя, что хозяин не враг им, а друг, и что он сам страдает от плохих дел, в силу чего прибавить им плату не может. Увещания подействовали, рабочие прекратили забастовку, а Трусов с благодарностью возвращен обратно.

Симферополь. Приводим рассказ о майской демонстрации этого года в Симферополе.

— Они хотят свободы...

— Что значит: «хотят свободы»?

— А то, что слышите. Развернули вышитое красное знамя, прошлись по Екатерининской, пели за свободу и раздавали какие-то листки...

— Нет, это очень просто. Завтра день рождения государя, еврей-портные взяли да и прошлись по улицам с пением...

— Дурак, они марсельезу пели, да полиция арестовала одного.

Такого рода взволнованные речи вели между собою добрые обыватели нашего тихого, смирного, богоспасаемого города в субботу, 5 мая этого года, около 7 час. вечера. Да и было отчего волноваться. Было что не понимать, простому обывателю. С тех пор, как стоит Симферополь, он не видел ничего подобного тому, что происходило там 5 мая перед вечером. А происходило вот что:

Толпа рабочих и работниц местных портняжных, сапожных, столярных, слесарных мастерских, табачных фабрик, всего около ста человек, преимущественно евреев, впервые в Симферополе устроили публичную майскую демонстрацию. Они, действительно, как говорил наш обыватель, с развернутым знаменем, на котором красовались вышитые на русском и еврейском языках слова: «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день», «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» и с пением рабочей марсельезы прошлись по главной улице нашего города при громаднейших скоплениях публики, которой раздавались прокламации.

Нужно сознаться, ничего не понимала во всем этом большая публика, но ничего не понимала и полиция, которая по долгу должна была понимать. Да, необходимо доскопленным образом отметить этот факт и обратить на него всеобщее внимание.

Рабочая демонстрация 5 мая беспрепятственно, блестяще прошла при явном и ясном соучастии тамошней полиции, не ведавшей, что творится у нее под носом. Городовые дали дорогу демонстрациям, отстраняя постороннюю публику, мешавшую шествию. Небывалое в России явление!

А между тем, как мы слышали, ни один из чинов симферопольской полиции не посажен в тюрьму, не устранен даже от должности.

Как бы ни было, последуем под охраной полиции за нашими рабочими-демонстрантами. Шествие, прошедшее в образцовейшем порядке, длилось, правда, не долго, минут 25—30 не больше, но впечатление произвело оно сильное. Я указал вначале на непонимание, как следствие невежества обывателя. Но зато я был сам свидетелем следующей сцены. Группа возвращающихся с работы каменщиков наткнулась на шествие. Подхватив несколько листов и пробежав их глазами, рабочие в один голос начали кричать: «Браво! Молодцы, ребята! Ура! Ура!». Послыша-

лишь шумные рукоплескания. Это я сам видел. Но я, кроме того, знаю, что демонстрация произвела огромное впечатление на большую массу нашего рабочего населения вообще. После демонстрации носились также упорные слухи, что русские, главным образом, строительные рабочие, каменщики, штукатуры, плотники, не желая отстать от товарищей-евреев, собираются повторить демонстрацию в более широком размере 14 мая, в день «священного» коронования царственных особ. К сожалению, слухи эти оказались только слухами, хотя, правда, в ночь с 13 на 14, несмотря на принятые полицией меры, по всему городу разбросаны были новые, приготовленные, как и первые, на гектографе прокламации.

С другой стороны, демонстрация произвела ошеломляющее впечатление на местные и, вероятно, не только на местные власти (генерал Трубицкий, стоящий во главе таврического жандармского управления, дал по телеграфу немедленно знать о событии в Петербург).

Поэтому, если поставите мне вопрос, нахожусь ли я майскую демонстрацию удачной, я отвечу «да», потому что она сделала свое дело, вызвав в нашем рабочем населении готовность к дальнейшей борьбе, возмев чрезвычайно сильное действие на полицию. «Я положительно голову теряю от этих дел», — заявил симферопольский полицмейстер Кузменко одному видному обывателю. О шествии рабочих со знаменами дал знать в полицейское управление по телефону один услужливый обыватель. Полиция прибежала, конечно, обезумевшая, но слишком поздно: она почти ничего уж не заснула, и на «месте преступления» ей удалось захватить одного лишь рабочего-знаменосца и то по простой несчастной случайности: рабочий, несший огромное знамя, споткнулся и упал. Схваченный (имя его Аншель Лыскин, дамский портной) был страшно избит в участке помощником пристава Ковалевским и немедленно отправлен в тюрьму. Вслед затем началась настоящая охота на ремесленных, а отчасти и других рабочих нашего города. В охоте этой участвовал с полицией принимал участие некий обыватель, причисляющий себя, конечно, к «интеллигенции». Виктор Артемьевич Шикин, бухгалтер местного отделения Азовского банка, выказав при этом необыкновенные шпионские способности. Итак, началась охота на наших рабочих. Ночью 5 мая были арестованы и препровождены в местную тюрьму след. лица: Кайнерс, Шухер, Волович, Шидловский — дамские портные; Таонорукский, Помочников — слесаря. Обвиняемые в участии в демонстрации, они и поныне остаются в тюрьме. В течение двух следующих недель обыскивали, допрашивали и арестовали свыше 250 чел.: приказчиков, рабочих и просто обывателей. Арестованы за это время: акциперка Толчинская, а совсем недавно В. Г. Громан, помощник заведующего статистическим бюро таврического земства, подлежавшего вместе с двумя другими лицами высылке из Таврической губернии по какому-то делу.

В январе н. г. во всех главных мастерских нашего города вспыхнула стачка. Столяры, в числе 50 чел., бросили работу, выставив требование 10½-часового рабочего дня (от 6 до 6, прежде работали от 6 до 9) с полуторачасовым перерывом на обед: после трех дней правильной и хорошо организованной борьбы стачка увенчалась полным успехом: во всех столярных мастерских введен был 10½-часовой рабочий день. Не обошлось, конечно, как и во всякой борьбе, без жертв. Во время стачки произведено было очень много обысков, и рабочих-столяров Игната Тарчевского, Шифранского и Клюгмана арестовали и продержали в тюрьме три месяца. Теперь Тарчевский и столяр Николай Воробьев сосланы в Вятскую губ. на 3 года, Шифранский и Клюгман высланы из Таврической губ.

На днях арестован Г. Л. Вольфензон, служивший статистиком в Таврическом земстве. Арест этот стоит в связи с демонстрацией 5 мая.

До последних лет гор. Керчь не представлял из себя ничего выдающегося в промышленном отношении, кроме рыбных ловлей, которые производятся больше мелкими промышленниками. Но вот пять лет тому назад там были найдены богатые залежи железной руды, и работа заки-

пела: известное общество Брянских заводов купило рудные земли и начало строить громадный металлургический завод. Затем еще два общества начали разработку руды в окрестностях Керчи для экспортирования на заводы в Таганрог и Мариуполь. Брянское общество также позаботилось извлечь из земли доходы еще до окончания постройки завода и вывезло до 2.000.000 пудов руды на мариупольские заводы, а к постройке завода привлекло новые капиталы и образовало акционерное общество перченских заводов и рудников. Постройка завода, хотя и не особенно быстро, но продолжается: уже готовы две доменные печи (их предполагается пять). Рабочих занято на постройке завода до 4.000 человек.

Завод строится по последнему слову технической науки, но отношения (ввыш) к рабочим администрации далеки от последнего слова... даже русских фабричных законов. Они нисколько не заботятся о каких-либо удобствах для рабочих: завод от города отстоит на семь верст, и рабочим приходится тратить по три часа в день на ходьбу на завод и обратно; двухчасовой обед приходится проводить в стенах завода, питаюсь в сухомытку, так как близ завода квартир для рабочих совсем нет; таким образом, десятичасовой рабочий день обращается в 15-часовой. Допускается работа малолетних моложе 15-ти лет по десяти часов в сутки и даже ночные сверхурочные работы, которыми вообще страшно злоупотребляют и в отношении к взрослым рабочим: некоторые, кроме семи дней в неделю, еще работают три-четыре ночи. Заработная плата выдается неаккуратно... Да всего и не перечислять. Не забываясь об удобствах рабочих, администрация завода вместе с полицией усиленно заботится об охранении рабочих от влияния сознательных товарищей. После анти-турецких беспорядков рабочих-грузчиков на заводской пристани в июне прошлого года было уволено несколько поднадзорных рабочих, участников рабочих организаций в других городах. Их влиянию приписывали возникновение беспорядков. Но спасти рабочих от «заразы» не удалось. В марте н. г. на заводе появилась прокламация с призывом готовиться к празднованию первого мая. Было уволено несколько человек подозрительных в смысле неблагонадежности рабочих, но это не помогло: накануне первого мая прокламация вновь была распространена по заводу. Первого мая много рабочих не явилось на работу, и администрация вынуждена была распустить с работы и остальных. Опять последовали увольнения. Больших результатов пока появление прокламации не принесло, так как это было еще впервые, но ведь влияние сознательных рабочих на этом не остановится и будет продолжаться. Брешь проонта, и администрации с полицией придется считаться с проявлением сознания рабочих. Что сознание растет, это доказывается появлением требований. Напр., требование директору завода об отмене его распоряжения не давать приставать к заводской пристани пароходу частного владельца, возившего рабочих на завод и обратно. Остается пожелать, чтобы это сознание проникало и шире и глубже в среду рабочих и чтобы на всякое злоупотребление и самодурство как администрации, так и полиции рабочие отвечали протестом, не давали бы гнать своих товарищей борющихся за общее рабочее дело.

В хронике стачек в Западном крае. За май и июнь в Зап. крае произошел ряд стачек. Наиболее крупной и интересной была стачка разборщиков и составителей плотов (600 чел.) в Ковне и окружающем районе, составляющих самую отсталую часть местного пролетариата. Стачечники требовали увеличения заработной платы, установления нормального рабочего дня, возвращения уволенных агитаторов и пр. Стачка кончилась победой рабочих. 250 еврейских булочников бастовали в Белостоке, требуя выдачи кормовых денег вместо хозяйского содеования, права жить не у хозяев и сокращения рабочего времени. Требования удовлетворены. В Белостоке же бастовали шетинщики. В Витебске и Двинске бастовали рабочие на табачных фабриках, в Витебске, кроме того, 150 кожевников, требовавших сокра-

щения рабочего дня и одержавших частичную победу. — До 800 кожевников (главным образом, христиан) бастовали в Вильне, там же была стачка 400 каменщиков. — В Варшаве был ряд стачек в ремесленных заведениях (портные, позументщики, перчаточники) и у кожевников. — В Гродне христианские и еврейские рабочие на переплетной фабрике (150 чел.) восстали против увеличения рабочего дня. — В Пинске была стачка на фабрике фанер (300 раб.), в Гомеле среди приказчиков и в Могилеве на маслобойном заводе. — В начале июля в Минске забастовало 600 столяров.

ИЗ ПАРТИИ

Изданное Польской Соц.-Дем. Партией в Польше и Литве воззвание «К членам Российской Соц.-Дем. Партии» дает подробное изложение истории социалистического движения в Польше и Литве и его теперешнего состояния. Надеемся в одном из ближайших номеров познакомить читателей с этой историей. Воззвание польских товарищей оканчивается приглашением действующих в России соц.-дем. организаций на общий съезд для обсуждения вопросов совместной партийной деятельности. Программу съезда предлагает такую:

- 1) Выработка общих политических требований. Мы предлагаем всем социал-демократам в России выставить требование демократической конституции, гарантирующей полную национальную автономию финляндцам, полякам, литовцам и другим народам, населяющим Россию, и предоставить право полного самоопределения всем национальностям.
- 2) Организация социал-демократической партии России на федеративных началах.
- 3) Выборы Центрального Совета всех социал-демократических партий в России.
- 4) Выработка общего плана действий и организация совместного празднования первого мая.

Воззвание заканчивается следующими строками:

«Товарищи! Тяжелые политические условия, в которых мы живем и работаем, требуют тесной сплоченности каждой из наших организаций и возможно тесного единения нас всех. Сплоченность и существование центрального органа, как показал наш опыт польского рабочего движения, не только не подвергают движение большей опасности, но, наоборот, облегчают противодействие правительственным репрессиям, дают нам возможность сохранить побольше сил в борьбе за существование, не говоря уже об иных неисчислимых выгодах, которые они приносят делу пропаганды и агитации. Сколько фактов, имеющих первостепенное значение для всей России, остается без внимания, сколько сил не эксплуатируется, насколько замедляется и затрудняется доставка корреспонденций, сношения между городами, транспортировка литературы и проч. и проч., благодаря именно отсутствию центральных групп».

Вышел отчет о четвертом съезде «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза» («Бунда»), состоявшемся в апреле этого года. На съезде присутствовало 24 делегата от Центрального Комитета, 12 городов и двух профессиональных организаций. Съездом рассмотрено много вопросов, имеющих интерес для всей русской социал-демократии (напр., о значении стачек, об экономическом терро-ре и т. д.).

Наиболее важным является решение съезда по национальному вопросу. Обстоятельно переданные в отчете дебаты и подробно мотивированная резолюция вносят столько нового в постановку еврейского вопроса для читателей, мало знакомых с внутренней жизнью «Бунда», что критика точки зрения, принятой съездом, потребовала бы от нас более места, чем каким мы можем располагать в этой заметке. Откладывая поэтому до другого места обстоятельный разбор позиции, занятой Бундом, мы констатируем только, что съезд, во-первых, признал, что Рос-

сия должна стать федерацией национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территорий; что евреи составят одну из этих автономных национальностей и что в настоящее время требовать национальной автономии для евреев «преждевременно» в виду более неотложных политических задач.

Итак, национальной автономии для евреев Бунд не станет требовать от самодержавного правительства, но он ее потребует от будущей освобожденной России. Бунд не говорит, в каких формах можно будет осуществить эту автономию (т. е. самоуправление) для миллионов населения, не занимающих сплошной территории, но рассеянных между сплошным населением России, Польши и Литвы. Не требовать ли выделения в отдельные самоуправляющиеся коммуны тех местечек, которые населены, главным образом, евреями? Ибо во всех местностях «черты оседлости» евреи составляют в целом меньшинство, и для образования «еврейских» округов пришлось бы именно отрезывать городские поселения от сельских.

Или, предполагая, что с разрушением «черты оседлости» евреи расселятся по всей России, не требовать ли самоуправления для каждого городского квартала, населенного евреями?

Как бы то ни было, 4-й съезд Бунда знаменует собой развитие национализма в еврейской социал-демократии Зап. России и Польши (на юге, как известно, еврейские рабочие работают рука об руку с русскими во имя общих требований русского пролетариата). Еще недавно, на своем третьем съезде (в январе 1900 г.), Бунд отверг предложение о требованиях для евреев «национальных прав», ограничившись требованием гражданского равноправия.

С своей стороны, мы можем только считать крупной политической ошибкой это стремление совершенно искусственно втиснуть еврейское рабочее движение в русло национализма в то время, когда главным злом, от которого задыхается еврейская масса в России, является правительственная политика, задерживающая процесс ее сближения с окружающим ее населением.

Это развитие в сторону национализма отразилось немедленно на отношении Бунда к общерусскому социал-демократическому делу. Съезд занялся вопросом об отношении Бунда к Росс. С.-Д. Раб. Партии. Отношение это определялось до сих пор решениями съезда 1898 г. Но в то время Бунд представлял собою организацию, не преследовавшую никаких «национальных» задач и созданную только для специальной агитации среди еврейских рабочих на почве протеста против тяготеющего над ними гражданского бесправия (см. статью из органа Бунда, напечатанную в «Работнике» № 5—6). В отчете о последнем съезде Бунда сказано: «Согласно решению первого съезда С.-Д. Раб. Партии Бунд вошел в нее как автономная часть. Однако, затруднения для Бунда, создававшиеся иногда таким отношением, и усложнения, могущие возникнуть вхождением в партию других национальных организаций на федеративных началах, побудили съезд заняться вопросом, не лучше ли Бунду заменить свои автономные отношения федеративными». При этом съезд нашел, что «подобная замена, во-первых, явится логическим следствием резолюции, принятой по национальному вопросу, и во-вторых, внесет гораздо больше простоты (?) в отношения к партии и другим национальным организациям». Поэтому съезд принял резолюцию, в которой заявляет, что, «представляя себе Росс. С.-Д. Партию как федеративное соединение социал-демократических партий всех наций, населяющих Российское государство, съезд постановил, чтобы Бунд, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть» и т. д.

Надо прежде всего отметить, что, говоря об автономии Бунда в Росс. Партии, отчет пропустил одну маленькую подробность. Резолюция съезда 1898 г. гласит: «Бунд входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Вопрос о том, какое положение впредь должен занимать Бунд в Российской Партии, никак не может считаться вопросом, касающимся специально еврейского пролетариата. Этот вопрос одинаково затрагивает обе сто-

роны, а потому не может быть решен одною из них. А из этого следует, что решение 4-го съезда Бунда об изменении положения его в Партии совершенно незаконно. Эта незаконность не устраняется заявлением Бунда, что он «представляет себе» Росс. Партию «федеративным соединением» национальных организаций. Представлять себе он может все, что угодно, но на деле партия наша до сих пор федеративным соединением не была. Когда зайдет речь о включении в Росс. Партию новых «национальных организаций», тогда она, может быть, примет и федеративный характер. Тогда же решится и вопрос о том, какое положение занимать Бунду. До тех пор, — т. е. до партийного съезда, — все остается по-старому. Если же Бунд, одна из договаривавшихся на съезде в 1898 г. сторон, хочет снова «вступить» в партию на новых началах, то это нельзя понять иначе, как в смысле выступления из партии, как она сформировалась на съезде 1898 г. «Вступить» в партию может только организация, стоящая вне ее. Это само собой подразумевается, и этого факта не устраняет то обстоятельство, что на заголовке отчета о съезде стоит «Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия».

Таким образом, первый же шаг на пути открытого выступления принципа еврейского национализма ознаменовался ослаблением организационной связи между еврейским и общерусским рабочим движением. Этого и следовало ожидать.

Мы твердо уверены, что националистические увлечения Бунда не найдут отклика среди многочисленных еврейских товарищей южной России, до сих пор борющихся в одних рядах с русскими товарищами.

[Л. Мартов]

«Непримиримый», неперiodическое издание, номер 1, 1901 год (гектографированное).

Как следует из вступительной статьи нового издания, оно вызвано к жизни некоторым кризисом, переживаемым в последние годы нашим «революционным меньшинством». Неудача народовольческого периода в истории революционного движения привела к тому, что стали «верить только в действия масс». Но, рассчитывая на действия масс, наши революционные группы сплошь и рядом, в целях ускорить это действие, были склонны приспособить свою программу к мнению данной массы (рабочей или либерально-буржуазной). «Непримиримый» выступает против этой струи в нашем революционном движении. «Сила всякого революционного меньшинства в непримиримости, в чистоте своей доктрины, в выдержанности своей точки зрения, а отнюдь не в компромиссах... Революционное меньшинство должно признавать одну практическую — высшую практическую революционного пути». Революционное меньшинство должно быть непримиримым, чтобы воздействовать на массу и «в конце концов победить нравственную дряблость, бессилие и малодушие окружающего общества (в широком смысле)».

Мы можем только приветствовать всякую попытку напомнить о великом значении «революционного меньшинства», т. е. организованной революционной партии в стране, политический строй которой парализует всякую самодельность широких общественных масс. Но точка зрения нового издания требует важной поправки. Сила революционной партии в непримиримости, в чистоте ее учения — всегда ли это так? Можно ли поддерживать такое общее положение? Не грозит ли такая точка зрения, высказанная в столь общей форме, привести к полному пренебрежению массой? Автор статьи предвидит подобное возражение, когда замечает, что, «говоря о необходимости для революционного меньшинства более резко отграничиться от „общества“, мы имеем в виду прежде всего идейное, теоретическое отграничение своей точки зрения от общественного мнения... Мы вовсе не имели в виду действительного материального отграничения революционного меньшинства от общества, тем более от рабочего народа, так как хорошо понимаем, что общество (в широком смысле слова) есть единственная точка опоры для этого меньшинства». Все эти оговорки, однако, не устраняют могущих воз-

никнуть сомнений. Каким образом «общество» (т. е., как имеет в виду автор, масса народа) может стать точкой опоры для революционной партии, если последняя прежде всего старается «ограничить свою точку зрения от общественного мнения» этой самой массы? Не рискует ли она находиться в отношении к этой массе в хроническом состоянии взаимного непонимания?

Эта опасность не призрачна — ее испытали многие революционные партии, приходившие после тяжелого опыта к убеждению, что «несть пророка в своем отечестве». Противоречие между «чистой доктриной» меньшинства и «общественным мнением» массы могло найти счастливое разрешение только тогда, когда революционная мысль в поисках за «точкой опоры», пошла дальше поверхности «мнений» и обратилась к тому, что является движущей силой, определяющей развитие этих «мнений». Такую движущую силу научный социализм Маркса и Энгельса нашел в социальных классовых интересах, порожденных общественными отношениями производства. Развитие классовых интересов обуславливает развитие «мнений» данного класса. Став на точку зрения классовых интересов данного класса и стремясь их выразить в своей программе, революционная партия может не бояться расхождения в данный момент этой программы с «мнением» данного класса, ибо она знает, что само развитие классовой борьбы неминуемо изменит эти мнения в сторону ее программы. При таком условии «непримиримая» партия, выступающая с этой программой, выражающей действительные интересы класса, может оказать громадное революционизирующее влияние на массу, ускоряя развитие ее «мнений» в направлении соответствующем ее классовым интересам. При таком условии «непримиримость» революционной партии становится, действительно, ее силой. «Практичности» тех, кто в каждый данный момент отражает колебания «общественного мнения» и вместе с последним терпит все самообольщения и неизбежные затем разочарования, революционная партия противопоставляет «высшую практичность революционного пути», практичность, вытекающую из понимания хода развития тех движущих сил, которые создают и изменяют «мнение». Только став на точку зрения интересов того класса, который ходом общественного развития делается носителем высших идей справедливости и свободы, революционная партия может стать и революционной силой, несмотря на свою «непримиримость» и даже именно благодаря ей. И только опираясь на классовые интересы пролетариата, «непримиримая» партия может, критикуя дряблость, половинчатость и шаткость «мнений» и поведения других классов («общества»), как это делает новое издание в трех остальных своих статьях, оказать своей критикой действительно революционное действие и оказаться, вопреки пословице, пророком в своем отечестве. А это значит, что только программа революционной социал-демократии может служить опорой для точки зрения, развиваемой новым изданием, которому мы ждем всякого успеха.

В ном. 5 саратовской «Рабочей Газеты» мы находим заметку под названием: «Несколько слов об „ответе“ Союзу Борьбы». В этой заметке рассказывается, что «некие саратовские господа (?) выпустили листок „Ответ СПб. Союзу Борьбы“ от имени саратовских рабочих». В этом «ответе» выражается удивление, что Союз не выставил требований политической свободы (собрания народных представителей) в своей прокламации по поводу беспорядков на Обуховском заводе.

Авторы заметки объявляют, что «саратовские рабочие тут совершенно не при чем. Ни один из них не участвовал в „ответе“». Когда этот листок был предложен дважды на обсуждение саратовским рабочим, последние оба раза его провалили. И в самом деле. Нам ли, саратовским рабочим, которые еще настолько несознательны, настолько не привыкли к борьбе, что не могли выдержать простой стачки, упрекать в чем-либо петербургских рабочих, которые давно уже вступили в мужественную борьбу с фабрикантами и правительством» и пр?

Мы не видали ни упоминаемого здесь листка СПб. Союза, ни «ответа» на него и не знаем, кто писал последний и выражает ли он мнение кого-либо из саратовских рабочих. Поэтому мы оставляем совершенно в стороне вопрос, имело ли в данном случае место то «бессовестное» злоупотребление именем саратовских рабочих, против которого последние протестуют. Нам здесь интересует всего больше странная, чтобы не сказать более, мотивировка саратовцами своего отказа от критики действий Петербургского Союза. Эта мотивировка сводится к известной Молчалинской мысли:

В мои лета не должно сметь свое суждение иметь.

Мы можем ответить на эту мысль словами Чацкого:

Помилуйте! Мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только сваты?

Но нет! Авторы протеста хотят нас уверить, что они и впрямь ребята, самые невинные социал-демократические ребята. Они, видите ли, «настолько несознательны и не привыкли к борьбе, что не могли выдержать простой стачки». Позвольте вам не поверить, товарищи! Позвольте нам выразить уверенность в том, что вы, от которых происходит протест, во время стачки вели себя, как подобает сознательным рабочим, и, если стачка была проиграна благодаря малодушию несознательной массы, то на сознательных саратовских рабочих эта неудача никакого пятна не бросает и не лишает их «гражданских прав» в нашем государстве — партии, т. е. права критиковать поведение сознательных товарищей в других городах. Вероятно и «господа», писавшие протест, не пытались его называть бессознательной массой, не умевшей «выдержать простую стачку», точно также как и протест свой они направляли не против массы петербургских рабочих, героически боровшихся на тракту, а против ее руководителей, издавших по их мнению, плохую прокламацию (повторяем, мы не видели ее). Так о чем же тут огород городить?

В ряде сообщений из Саратова нам пишут о саратовских сознательных рабочих, как о людях, далеко не столь невинных в делах программы и тактики, какими они себя выставляют в своем протесте. Нам сообщают, что в основной рабочей «Рабочей Газете» пишут одни только рабочие. И никто не задает себе вопроса: «Нам ли, столь бессознательным, что не сумели провести стачку, нам ли писать в газете о задачах рабочего движения?». С другой стороны, нам сообщают, что те же саратовские рабочие сочли излишним присутствие на майском собрании товарищей-интеллигентов. Опять-таки, они, поступая так, вероятно, считали себя не совсем ребятами. Наконец, нам пишут, что некоторыми рабочими в Саратове ведется пропаганда идей «Рабочей Мысли». Опять что-то не похоже на заявленную в протесте скромность. Ведь идеи «Рабочей Мысли» идут в разрез с идеями других рабочих газет, например «Южного Рабочего». И тот, кто пропагандирует первые идеи, тем самым борется против вторых. И не задает себе при этом вопроса: «Нам ли, не сумевшим выдержать простой стачки, нам ли иметь свое мнение относительно идей южных рабочих, которые» и т. д.

Выходит как будто, что скромность Грибоедовского героя применяется только в том случае, когда речь идет о протесте против того направления, которое не признает «политики». Совсем это особенная скромность, очень своеобразное смирение, и нам сдается, что это смирение паче гордости.

Из области курьезов. В № 12 «Przedswit'a» за прошлый год некто г. Veto поместил статью о положении революционного дела в России, в которой он полемизирует с сотрудником краковского журнала «Критика». В статье г. Veto мы встречаем такое заявление:

«До такой степени русские (социалисты) чувствуют недостаток в литераторах, что часто обращались они ко мне с просьбой о статьях; недавно, например, меня приглашали в редакционный комитет издания, имеющего появиться за границей, несмотря на то, что мои взгляды на Россию, весьма неприятные для русских, им достаточно известны».

Это бывает. Ведь прискакали же к Ивану Александровичу Хлестакову тридцать тысяч курьеров с приглашением: Иван Александрович, придите управлять департаментом.

От Антона через Фурдэля 100 р., Von einem Sarten 100 р., из Брюсселя через «Зарю» 20 фр., от доктора через Г. 25 р. Русские туристы 20 мар., читатели «Искры» 5 мар., через Г. Плеханова 70 фр.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Группе «Раб. Воли». Корреспонденция о демонстрации поступила к нам слишком поздно. Просим продолжать корреспондировать. № 5 «Листка» получили.

2а3б. Письмо по поводу статьи «Рабочая партия и крестьянство» отсылаем, в виду его размера, в «Зарю».

Через московского представителя получено на организацию «Искры»: мес. внос. за апрель от № 15 р., за ном. 3-й 15 р., через Москву 46 р., из волжской столицы 50 р.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штутгарте:

Verl J. u. W. DIETZ Nachfolger STUTTGART
для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Торгово-промышл. кризис, о котором здесь идет речь, начался в России в конце 1899 г. и продолжался вплоть до 1909 г. Ему предшествовал период промышленного расцвета и грядущего в связи с притоком иностранного капитала. Начало кризиса в Европе и отлив золота во второй половине 1899 г. за границу вызвали в России сначала денежный кризис (показателем чего служит сокращение ссудных операций русских банков под процентные бумаги: напр., в 5 частных Петерб. банках эти ссуды упали с 474,2 милл. руб. в 1898 г. до 275,4 милл. руб. в 1900 г. и 241,2 милл. руб. в 1901 г.), а потом и промышленный. Кризис имел очень острый характер и ознаменовался целым рядом крахов (крушение предприятия фон-Дервиза, Мамонтова и др., затем в июле 1901 г. крах Харьковского банка, потом Екатеринославского Коммерческого, Петерб.-Азовского и т. д.). Лишь за два года (с 15 окт. 1899 г. по 15 окт. 1901 г.) ценность 98 русских предприятий, котирувавшихся на Парижской и Брюссельской биржах, потеряла $\frac{2}{3}$ своей стоимости (59%). Цены на товары быстро падают (напр., в тяжелой индустрии в 1901 г. по сравнению с 1899 г. понижение достигает 25—50%). Из общего числа нефтепромышленных заводов в 1901 г. бездействовало круглый год 14—16%. Производство в общем и целом по всей линии сильно сократилось (и в тяжелой индустрии и в текстильной промышленности). На фоне этого тяжелого кризиса ярко вырисовывается картина безработицы: напр., в железной промышленности число рабочих сокращается с 45.416 в 1899 г. до 35.710 в 1902 г., в каменноуг. пром. Дон. бассейна—с 67.526 в 1900 г. до 58.596 в 1902 г., на бакинских промыслах с 33.000 весною 1901 г. до 27.500 весною 1902 г. и т. д. Ужасы безработицы и ухудшение положения рабочих на фабриках и заводах составляют основной мотив почти всех корреспонденций в отделе «Искры»: «Хроника рабочего движения» за все время действия кризиса.

Прим. 2. За пятилетие 1891—1895 гг. протяжение вновь построенных жел. дорог в России выражается цифрой в 15.019 верст (значительно больше, чем за предыдущие 15 лет—с 1881 г. по 1895 г.; в следующее пятилетие 1900—1905 гг. эта цифра сокращается до 7.186 верст новых дорог). Закаспийская и Самарканд-Андижанская ж. д. образовали общую сеть Средне-Азиатской ж. д. с общим протяжением в 2.381 в. Сибирская ж. д. функционирует по частям с 1896 г. Общая стоимость ее постройки исчисляется в 6.500 милл. рублей.

Прим. 3. Известный немецкий ревизионист Э. Бернштейн в 1899 г. (в своих «Предпосылках социализма») выражал надежду, что «по меньшей мере на долгое время следует считать общие кризисы прежнего характера невероятными». Вслед за Бернштейном целый ряд «критиков» теории Маркса пытался опровергнуть теорию кризисов Маркса («Эта теория—лишь проблема, и выводы из нее лишь гипотезы, а не положительные истины»,—заявил Давид на партийном съезде в Ганновере в 1900 г.) или объявить ослабление противоречий капиталистического строя (Кампфмейер).

Прим. 4. Одним из очень видных членов «Южно-Русского Рабочего Союза» в г. Николаеве был штундист Роман Захаревич Коротков, рабочий, специализировавшийся в качестве пропагандиста-агитатора. Свою пропаганду между рабочими он обыкновенно начинал с разговоров на религиозные темы «с политическим и противоправительственным оттенком» (по выражению жандармского дознания). Предателем и провокатором оказался другой рабочий Ананий Нестеренко, тоже игравший видную роль в организации.

Прим. 5. Корреспонденция «Из деревни» написана П. Лепешинским. Речь идет о Псковской губернии. Заслуживает внимания то обстоятельство, что несколько пессимистический взгляд автора на крестьянство (признание им «известной доли истины» за «общераспространенным взглядом на наше крестьянство, как на один из самых надежных оплотов русского самодержавия») не вызвал оговорок со стороны редакции «Искры». Лишь впоследствии крестьянские волнения на юге России заставили «искровцев» взглянуть более доверчивыми глазами на революционизирующееся крестьянство.

Прим. 6. Джордж Кеннан (род. в 1845 г., умер в 1924 г.) сев.-американский путешественник, об'ехал в 1885—86 г.г. Сибирь с целью ознакомления на местах с условиями русской политической ссылки. Русское правительство, уверенное в его отрицательном отношении к русским «анархистам» и «нигилистам», разрешило ему посещение тюрем и мест ссылки. Из этого непосредственного знакомства с русской политической ссылкой честный американец вынес иной взгляд на природу революционной борьбы в России с самодержавием, чем тот, которого он придерживался раньше, и в своей переведенной на многие языки книге («Сибирь и ссылка», вышла в 1891 г.) вскрыл пред общественным мнением цивилизованных стран картину тех чисто средневековых методов борьбы, посредством которых русское правительство пыталось задуть освободительное движение в России. Вышедшая нелегально за границей на русском языке книжка Кеннана пользовалась огромной популярностью среди учащейся молодежи в 90-х годах.

Прим. 7. Отзыв на эту заметку и ответ «Искры» см. «Искра» № 11: ответ, присланный «Группой саратовских рабочих».